

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)**

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

**Многообразие (полифония) дискурсивных практик в романе
Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром»**

**Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01 Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
Языковое образование (английский язык)**

Проверка на объем заимствований

82,3 % авторского текста

Работа рецензенту к защите

Зав. кафедрой английской филологии

Афанасьева О.Ю.

22 февраля 2019 г.

Выполнила:

Студентка группы ЗФ-303/215-2-1

Гольянова Марина Алексеевна

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент

Курочкина Мария Анатольевна

**Челябинск
2019**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ	6
Глава 2. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС».....	15
Глава 3. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И УРОВНИ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ	24
Глава 4. СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ О. ХАКСЛИ «ЖЁЛТЫЙ КРОМ»	31
Глава 5. ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГООБРАЗИЯ (ПОЛИФОНИИ) ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В РОМАНЕ О. ХАКСЛИ «ЖЁЛТЫЙ КРОМ»	51
Глава 6. КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ФАКУЛЬТАТИВА ПО ДОМАШНЕМУ ЧТЕНИЮ.....	77
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	91
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	94

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование рассматривает многообразие дискурсивных практик в романе Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром». Роман «Жёлтый Кром» традиционно принято относить к раннему периоду творчества Хаксли, совпавшему с эпохой всеобщей растерянности и послевоенного хаоса. Роман демонстрирует систему персонажей, каждый из которых отличается яркими индивидуальными чертами, проявляющимися через коммуникацию с окружающими: в полифонии дискурсивных практик.

Актуальность исследования обусловлена рядом причин, важнейшими из которых выступают следующие: необходимость исследования особенностей коммуникативных взаимодействий языковых личностей, потребность в развитии модели анализа дискурсивных практик, а также важность детального исследования творчества Олдоса Хаксли.

Объектом исследования являются дискурсивные практики, представленные в романе Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром». В качестве **предмета** исследования выступают лингвистические и функциональные характеристики выделенных дискурсивных практик.

Материалом исследования послужил романа Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром» объёмом 307 страниц.

Гипотеза исследования: полифония дискурсивных практик создаётся в романе Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром» в процессе взаимодействия представляющих обобщённые образы персонажей и отражает современную писателю эпоху. Идея романа, выраженная во фразе главного героя «wearparallellines», отражает проблему взаимопонимания в процессе коммуникации.

Цель исследования — выявить, классифицировать и описать представленные в романе дискурсивные практики.

Поставленная цель реализуется путем решения следующих задач:

- Представить основные подходы к интерпретации дискурса и рассмотреть их специфику.
- Охарактеризовать существующие типологии дискурсивных практик и выделить необходимые для исследования параметры их классификации.
- Установить связь языковой личности с её ролью в дискурсе.
- Определить стратегию анализа дискурсивных практик на базе выделенных характеристик.
- Осуществить исследование многообразия дискурсивных практик романа «Жёлтый Кром» на основе выведенной модели анализа.

В ходе реализации поставленной цели были использованы следующие **методы**: описательный, структурный, коммуникативно-прагматический метод и метод речевого портретирования.

В качестве **методологической основы** исследования выступают материалы работ исследователей, принадлежащих к современной научной парадигме знания: Н.Д. Арутюнова, Т. А. ван Дейк, В.И. Карасик, А.А. Кибрик и др.

Научная новизна исследования обусловлена необходимостью развития модели анализа дискурсивных практик, способной адаптироваться под исследуемый материал, требующий специфического подхода в процессе его интерпретации, а также тем, что демонстрация представленной модели анализа осуществляется на примере коммуникативных взаимодействий персонажей романа Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром».

Теоретическая значимость исследования состоит в осмыслении и дальнейшем развитии анализа дискурсивных практик, а также в возможности разработанной стратегии анализа быть функциональной базой для дальнейшего исследования дискурсивных практик на материале творчества Олдоса Хаксли.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её материалов и результатов в учебном процессе в качестве материала к факультативным занятиям, а также в практике преподавания иностранного языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Многообразие выделенных видов дискурса характеризует прослойку интеллектуалов британского общества. Олдос Хаксли в романе через представленные типажи скрыто анализирует и систематизирует виды дискурса.

2. Каждый из представленных типов дискурса обладает уникальным миропониманием и формирует собственный концепт человека в рамках своей тематической направленности.

3. Языковая личность каждого из героев является функциональной реализацией определённого типа дискурса, ярче всего проявляясь через употребление стилистических средств, выразительность речи, тематику высказываний, а также в выборе цитируемого материала.

Полифония дискурсивных практик освещает проблемы взаимопонимания в процессе коммуникации языковых личностей.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на заседании кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, а также были представлены на XII международной практической конференции «Язык и Культура» (Челябинск, 2018).

По теме диссертационного исследования опубликовано 2 статьи общим объемом 17 страниц.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, 6 глав, Заключения, Библиографического списка.

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время в лингвистике возрастает востребованность исследований, связанных со сферой дискурса и дискурсивных практик. Творчество Олдоса Хаксли, занимая особое место в рамках мировой литературы XX века в качестве зеркала развития как западной литературы современного писателю периода, так и общественного мировоззрения и мировосприятия, отличается сравнительно меньшим объёмом посвящённых ему исследований. Роман «Желтый Кром» О. Хаксли, отличается сочетанием пронизывающей весь текст произведения глубокой иронией и достаточной автобиографичностью и достоверностью изображения представленных слоёв британского общества начала XX века.

Персонажи романа раскрываются главным образом через выражение принадлежащих им точек зрения на окружающий мир через определённый уникальный для каждого индивида стиль коммуникации, анализ которых позволяет ознакомиться как многообразием представленных в романе дискурсивных практик, так и с социокультурной обстановкой, определившей выбор персонажей романа и оказывавшей влияние на творчество О. Хаксли на протяжении всей его жизни.

Данная работа посвящена исследованию многообразия дискурсивных практик, представленных в романе «Жёлтый Кром» О.Хаксли, что определяет методологию данной работы. Общенаучный уровень представлен методами эмпирического и теоретического исследования. Представленные в романе дискурсивные практики необходимо обнаружить, классифицировать, сравнить и подвергнуть анализу, используя инструментарий приёмов (анализ, синтез, индукция и дедукция, классификация и систематизация) и методов теоретического исследования (структурный метод, а также метод единства исторического и логического) при поддержке таких приёмов эмпирического исследования, как описание, сравнение и измерение. Система частнонаучных методов, на которых базируется данное исследование, представлена такими методами,

как коммуникативно-прагматический метод при анализе непосредственно дискурсивных практик, а также метод речевого портретирования, предваряющий анализ дискурсивных практик. Метод речевого портретирования используется в данной работе по причине проблематичности анализа дискурсивных практик отдельно от персонажей, участвующих в них. Создание речевых портретов главных действующих лиц романа О.Хаксли «Жёлтый Кром» послужит базисом для основной аналитической деятельности.

Метод речевого портретирования разрабатывался ещё с середины 60х гг. XX в. В связи со своей популярностью метод речевого портретирования вариативен и обладает большим числом направлений анализа. Так, Е. В. Иванцова выделяет следующие методологические подходы к речевому портретированию: социолингвистический, лингво-исторический, коммуникативный портреты, и также уровневый вариант портретирования.

Социолингвистические портреты предполагают поярусное описание языковой системы информанта и его речевого поведения. В качестве частного подуровня можно выделить также уровневый вариант портретирования, предполагающий изучение одного из уровней языковой системы индивида. Лингво-исторический портрет концентрируется на культурно-историческом фоне объекта исследования, тогда как коммуникативный портрет избирает предметом исследования индивидуальные характеристики речевого поведения (20).

О. Н. Паршиной в дополнение ко всем вышеперечисленным типам выделен риторический тип портрета, результатом которого является описание речевого поведения субъекта в сочетании с оценкой его языковых компетенций (44). К.Ф. Седов разрабатывает иную методику портретирования, где происходит установление связи между особенностями речи индивида (в первую очередь риторическими компетенциями) и глубинными причинами, определяющими своеобразие этих особенностей.

Для данного исследования наиболее предпочтительным оказывается тип фрагментарного речевого портрета, предполагающий выборочную характеристику наиболее ярких особенностей речи исследуемой языковой личности. Выбор набора параметров для составления речевого портрета продиктован целями данного исследования, а также письменного характера материала исследования и области исследования.

В практической части исследования составлены речевые портреты центральных действующих персонажей романа О.Хаксли «Жёлтый Кром». Ознакомление уже существующими данными о составлении речевых портретов позволяет выделить и структурировать ряд релевантных средств для составления речевого портрета по теме исследования. К основным параметрам описания относятся речевые манифестации языковых характеристик, представленные на фонетическом, лексическом, грамматическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Анализ речи выбранных персонажей и последующее составление их портретов на основе выводов, полученных в процессе данного анализа, концентрируется именно на описанных речевых манифестациях языковых характеристик. В качестве вспомогательных методов описания выбраны экстралингвистические характеристики (возраст и место проживания) и невербальные характеристики.

Речевое портретирование выбранной группы персонажей позволяет, базируясь на полученных данных, исследовать многообразие дискурсивных практик в романе О.Хаксли «Жёлтый Кром» при поддержке приёмов коммуникативно-прагматического метода.

Коммуникативно-прагматический метод условно обозначен по названию своей макропарадигмы. Структура данного метода находится в процессе формирования: идёт осмысление интегративного коммуникативно-деятельностного подхода к языку (13), в то время как сама проблема возможности выделения коммуникативно-прагматической лингвистики как отдельной науки ещё в процессе решения (5, с. 219). Всё это свидетельствует

о том, что метод в настоящий момент находится в процессе активного развития.

С другой стороны, следует отметить, что к концу XX века научным сообществом был принят факт о возможности лингвистики помимо изучения минимальных лингвистических единиц исследовать более сложные образования. Таковыми являются все аспекты речевой деятельности, речевого взаимодействия, речевой коммуникации и, также, текст и дискурс.

Используя в качестве базы положения прагматологии (философской общей теории деятельности) и прагмалингвистики, привнесшей в описание языка деятельностный (акциональный) аспект, метод определяет коммуникативно-деятельностный подход к языку, речи и речевой деятельности в качестве фундамента своей системы. Данный метод обладает рядом принципов, среди которых присутствуют такие принципы, как принцип интегративности семиотического и герменевтического подходов; принцип интегративности антропоцентричности и системоцентричности, а также функциональности, при котором движение исследовательской мысли идёт в направлении: от функций, значений, коммуникативных целей и намерений к имеющимся в данном языке средствам, к формальным показателям (64, с. 29); принцип интегративности трёх базовых лингвистических теорий: теории номинации, теории референции и теории речевых актов (5, с. 19) (в узком понимании), а также ещё и: теории коммуникации, лингвистики речи, теории текста, теории дискурса, теории прагмасемантики (в широком понимании). Центральную позицию в этом интегративном комплексе занимает коммуникативно-прагматическая лингвистика.

Таким образом, коммуникативно-прагматический метод определяется как междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур, используемых для изучения употребления языка говорящими в процессе коммуникации в единстве с прагматическими свойствами языковых единиц в связи с ситуацией общения, для достижения успешности коммуникации

и регулирования коммуникативного (речевого) поведения людей с целью координации всё усложняющейся человеческой деятельности (39).

Представленный метод ставит своей целью обеспечение стратегии и тактики исследования онтологических и функциональных свойств языковых единиц, составляющих их прагматическую ценность в разных актах коммуникации (39), определяя в качестве объектов анализа речевой акт, текст, дискурс, а также целый комплекс проблем, связанных с 1) субъектом речи; 2) адресатом речи; 3) отношениями между участниками коммуникации и 4) в связи с ситуацией общения.

Данный метод содержит в себе ряд базовых понятий:

1) Коммуникация — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности (22, с. 233); целенаправленный процесс, деятельность, одним из средств которой является речь, а знаковой целостной формой организации — текст (53, с. 30).

2) Коммуникант — участник коммуникации, порождающий высказывания (тексты) и интерпретирующий их (16, с. 49).

3) Коммуникативная установка — интеллектуальная предрасположенность, настроенность на определенное понимание, отношение к людям, предметам и событиям, с которой индивид вступает в коммуникацию, и, шире, общий настрой на коммуникацию, или, напротив, стремление избегать вербальных контактов (68, с. 47).

4) Речевой акт (также коммуникативный акт) — основная (минимальная) единица коммуникации, функционально цельный её фрагмент (12, с. 202); высказывание в его процессуальном аспекте, первый уровень абстрагирования речевой деятельности (5, с. 204).

Структура речевого акта содержит три элемента: локутивный акт, иллокутивный акт и перлокутивный акт. Локутивный акт интерпретируется как сам процесс производства речи. Локутивный акт концентрируется

на используемых в речевом общении языковых средствах. На целях и условиях осуществления процесса общения сосредоточен иллокутивный акт, подразумевающий внесение в локуцию определённый смысл. Результаты коммуникативного взаимодействия относятся к перлокутивному акту, который понимается как акт использования высказывания в качестве инструмента воздействия на реципиента (39).

5) Речевой жанр — следующий за речевым актом уровень абстрагирования речевой деятельности, устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип построения текста (67).

6) Актуальное коммуникативно-прагматическое пространство — комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в начале осуществления речевого акта, определяемого формулой: «кто - что - где - когда - кому - зачем - как (говорит)» (5, с. 226).

7) Коммуникативная (или языковая) личность — «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» (35, с. 22).

8) Дискурс (от франц. discours — «речь») — это связанная последовательность речевых актов, т. е. образование, включенное в коммуникативно-прагматический контекст (65, с. 273).
Методики и приёмы анализа дискурса в настоящий момент находятся в процессе разработки, что связано с серьезными объективными трудностями.

Дискурс в наиболее обобщённом понимании является процессом развёртывания последовательности речевых актов во времени и пространстве. В данной работе дискурс рассматривается в качестве связанной последовательности речевых актов в процессе коммуникативного взаимодействия, имеющей определённую тематическую направленность.

Методика анализа дискурса имеет ряд схожих черт с методикой анализа текста в коммуникативно-прагматическом аспекте. Обе методики отличаются комплексностью анализа, однако, анализ дискурса гораздо шире,

«комплекснее», т.к. кроме анализа прагматики языковых и речевых средств, предполагается выход за пределы языка в сферу экстралингвистических факторов.

Основными задачами анализа дискурса являются изучение типов дискурса и их языковых особенностей, а также изучение особенностей речи каждого из участников интеракта и определение семантических особенностей и лексико-грамматических средств всего дискурса (39).

Алгоритм анализа дискурса в его классическом понимании состоит из следующих этапов:

1. Описание ситуации общения.
2. Определение типа дискурса. Тип дискурса (иначе: его речевой жанр) определяется предметом (темой) обмена мыслями и отношениями между участниками диалога.
3. Установление структуры дискурса. Структура дискурса определяется количеством и содержанием тематических единиц.
4. Выявление роли коммуникантов в местах перехода хода (речевого тура). Роли коммуникантов определяются рядом признаков:
 - Социоэтические формы обращения друг к другу;
 - Характер распределения речевых ходов между коммуникантами;
 - Степень добровольности при передаче ходов разговора и т. д.
5. Семантико-прагматические особенности речевого поведения коммуникантов. Определяются речевые установки, анализируется речевое поведение коммуникантов — форма и содержание речи, сущность вербальных и невербальных знаков (интонация, мимика, жесты и т. д.);
6. Семантико-прагматические особенности всего дискурса. Определяются форма, тип и тон дискурса. Существует четыре вида

форм коммуникации: в зависимости от способа передачи информации выделяются устная и письменная формы, в зависимости от количества участников коммуникации выделяются полилог и диалог.

7. Лексико-грамматические аспекты дискурса. Исследуется связь лексико-грамматических средств с формой дискурса.

Для анализа нами выбраны основные виды дискурса, представленные в романе Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром»: художественно-поэтический, социально-исторический, религиозно-философский и любовный. Анализ определённых типов дискурсов будет осуществляться, опираясь на речевые портреты таких персонажей, как Генри и Присцилла Уимбуш вместе со своей племянницей Энн, Мэри Брейсгёрдл, художник Гомбо, мистер Скоуган, мистер Барбекью-Смит и Айвор Ломбард, а также пастор Бодиэм.

Таким образом, в данном исследовании анализ движется от составления речевых портретов ряда персонажей, представленных в романе О.Хаксли «Желтый Кром» к исследованию многообразия описываемых в романе дискурсов при поддержке инструментария коммуникативно-прагматического метода. Метод речевого портретирования создаёт базис для анализа дискурсивных практик персонажей, участвующих в них. Речевое портретирование выбранной группы персонажей позволяет, базируясь на полученных данных, исследовать многообразие дискурсивных практик в романе О.Хаксли «Жёлтый Кром» при поддержке приёмов коммуникативно-прагматического метода. Коммуникативно-прагматический метод обеспечивает исследование онтологических и функциональных свойств языковых единиц, составляющих прагматическую ценность в разных актах коммуникации. Основные задачи анализа дискурса состоят в изучении типов дискурса и его языковых и паралингвистических особенностей; изучении особенностей речи каждого из участников; определении семантических особенностей и лексико-грамматических средств всего дискурса.

Подобный подход к изучению многообразия дискурсивных практик в романе О.Хаксли «Жёлтый Кром», сочетающий методики речевого портретирования и коммуникативно-прагматического анализа, позволяет выявить ряд существующих в романе дискурсивных практик, определить их отличительные особенности и проанализировать степень взаимодействия и взаимовлияния данных практик на протяжении хода сюжета романа.

Глава 2. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС»

История изучения дискурса и происхождение его понятия отражают реалии человеческой культуры на протяжении различных эпох. Понятие дискурса как конструкт человеческого сознания обладает связью с лингвистическими понятиями, задающей направление исследования закрепленных в языке образов и смыслов как факторов развития языковой картины мира человека.

Понятие «дискурс» интерпретируется различным образом на протяжении всего своего существования, в результате чего наблюдается отсутствие универсального определения на современном этапе научного знания. Данный термин находится в тесном соотношении с базовыми понятиями лингвистики: «язык», «речь», «речевая деятельность», «текст», «речевое высказывание», что позволяет определить сферу значений термина, однако, создаёт при этом ложное представление об идентичности этих явлений. Вариативность содержания понятия обусловлена целями исследований и отсутствием чётких рамок понимания дискурса, повсеместно принятых в научном сообществе.

Активная исследовательская деятельность в области дискурса породила множество подходов к изучению и классов употребления понятия. Так, А.А. Кибрик и П.Б. Паршин выделяют три класса употребления. К первому классу относятся собственно лингвистические употребления этого термина, первым из которых его использовал З.Харрис в опубликованной в 1952 году статье «Дискурс-анализ». Термин употребляется в связи с необходимостью уточнить и развить традиционные понятия речи, текста и диалога. Второй класс употреблений термина «дискурс» стремится уточнить традиционные понятия стиля и индивидуального языка. Понимаемый таким образом термин «дискурс» описывает способ говорения и имеет принадлежность — «какой» или «чей» дискурс. В обосновании этого

употребления важную роль сыграли А.Греймас, Ж.Деррида, Ю.Кристева; позднее данное понимание было отчасти модифицировано М.Пешё и др.

Третье употребление термина «дискурс» связано с именем немецкого философа и социолога Ю.Хабермаса. «Дискурсом» называется особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в отстранении от социальной реальности и концентрирующийся на критическом обсуждении взглядов и действий участников коммуникации.

Все три перечисленных макропонимания находятся во взаимодействии: на формирование французской школы анализа дискурса 1970-х годов существенно повлияла публикация в 1969 г. перевода работы З.Харриса.

Говоря о наиболее популярных подходах к понятию дискурса, следует отметить коммуникативный подход, трактующий дискурс как знаковую структуру, «которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания» (34, с. 5), то есть, как вербальное взаимодействие, построенное на диалогических высказываниях.

Структурно-синтаксический подход понимает дискурс как образование выше уровня предложения — фрагмент текста, состоящий из находящихся в смысловой связи друг с другом предложений. В.З. Демьянков, придерживаясь точки зрения современных зарубежных лингвистов, рассматривает понятие как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения». Исследователь говорит о концентрации дискурса вокруг некоторого опорного концепта (25, с. 7).

С текстом дискурс соотносится и в рамках социально-прагматического подхода. Социально-прагматический подход, исходя из своего названия, фокусирует своё внимание на речевых действиях определённых типов языковых личностей в рамках определённых обстоятельств и условий коммуникации. Интерпретация дискурса базируется на трудах французских структуралистов и постструктуралистов, в частности, М. Фуко. А. Греймас, Ж. Деррида и Ю. Кристева стремятся в своих исследованиях уточнить и

развить традиционные понятия стиля и индивидуального языка. Дискурс описывает способ говорения, в связи с чем М.Фуко говорит о «дискурсивных практиках», обозначая дискурс. В рамках данного подхода исследователей интересуют частные проявления дискурса. Положение данного подхода отражается также в определениях таких учёных, как Т.А. Ван Дейк (23, с. 47) и Ю. Хабермас (2, с. 571-606).

Ю.С. Степанов, рассматривая дискурс в лингво-философском аспекте, трактует дискурс как «язык в языке» и связывает его с понятиями языковой картины мира, факта и причинности (63, с. 45).

В противовес двум вышеуказанным подходам, структурно-стилистический подход связывает дискурс с речью. Дискурс понимается как стилистически спонтанная устная форма речи, характеризующаяся трудностью в выделении частей и предстающая как единая структура в связи с контекстом ситуации. Т.А. Ван Дейк рассматривает дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее ещё и экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста» (24, с. 7).

Т. А. ван Дейк, отмечая большое количество подходов, условно предлагает выделять (23) два базовых пути интерпретации термина: дискурс как комплексное коммуникативное событие и дискурс как «продукт» коммуникативного действия, то есть, письменный или устный текст. Следовательно, можно выделить два подхода к пониманию Т. ван Дейком данного явления: коммуникативно-речевой и структурно-текстовый.

В рамках коммуникативно-речевого подхода дискурс трактуется как некое коммуникативное речевое или письменное взаимодействие вербального или невербального характера, происходящее между сторонами дискурса в определенной ситуации социального контакта. Дискурсу как коммуникативному событию эквивалентен ряд таких понятий, как «речь», «речевое действие», «коммуникативная ситуация» и т. п. (Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Т. ван Дейк, Н. И. Формановская).

Структурно-текстовый подход интерпретирует дискурс как «продукт» коммуникации, текст устный или письменный с учетом присутствия только одной вербальной составляющей (23). Явление дискурса приближается к понятию текста (В. А. Андреева, Р. Барт, П. Сгалл, В. Е. Чернявская) и рассматривается как связная последовательность предложений (Т. ван Дейк).

Подходы понимают дискурс через одну из сторон его тройственной сущности: либо это рамки типовых ситуаций общения, либо протекающих в сознании коммуникантов когнитивных процессов, либо же в сопряжении с понятием текста

Следует отметить социальную и идеологическую природу дискурса. Г.Н. Манаенко определяет дискурс как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов» (52, с.37). Соответственно, можно заключить, что дискурс представляет собой совокупность речевого поведения субъекта коммуникативного взаимодействия, заданного социально-культурными условиями его жизни, и процесса самого коммуникативного взаимодействия, заключающегося в речевом общении.

Представленные подходы к понятию связаны между собой и едины в понимании дискурса как динамического и ограниченного временными рамками процесса коммуникации. В соответствии с задачами данного исследования термин «дискурс» целесообразно рассматривать с позиций его конкретных разновидностей — определённых дискурсивных практик.

Разнообразие подходов к интерпретации понятия порождает множество критериев его классификации. Тем не менее, в работах исследователей можно выделить ряд схожих позиций.

Канал передачи информации служит базовым критерием классификации дискурса, подразделяя дискурс на устный и письменный. Условность данного деления объясняется взаимопроникновением данных

типов в процессе реальной коммуникации, в связи с чем В.Б. Кашкин выделяет также некий гибридный тип дискурса, объединяющий в себе особенности и устного, и письменного типов (38, с. 20). Также следует отметить необходимость учёта уровня развития современного научно-технического прогресса, обеспечившего возникновение нового способа коммуникации. Юсупова Т.С. говорит о типе дискурса, протекающем виртуально в условиях передачи информации при помощи электронной техники, особенностями которого являются мимолетность и неформальность, а также применение графических способов передачи сообщений (70, с. 13).

Базовым основанием для классификации можно также назвать форму осуществления общения: диалог, монолог и полилог. Соответственно, принято говорить о монологическом, диалогическом и полилогическом типах дискурса (38, с. 36-37).

Широкие возможности для составления типологии обеспечивает такой критерий, как специализация дискурса. В. И. Карасик выделяет социолингвистические и прагмалингвистические типы дискурса, где прагмалингвистические типы дискурса включают в себя юмористический и ритуальный виды дискурса, а социолингвистические типы дискурса делятся на бытийный и институциональный дискурс, в который входят такие виды дискурса, как педагогический, медицинский, научный, политический и религиозный (35, с.299).

Дискурс как социолингвистическое явление рассматривается с двух позиций: как персональный, то есть, лично-ориентированный дискурс и как институциональный дискурс. Персональный дискурс сфокусирован на коммуникантах и демонстрируемых ими в процессе взаимодействия сторон своего внутреннего мира. В.И. Карасик выделяет две основные разновидности персонального дискурса: бытовой и бытийный (32, с.5).

Институциональный дискурс определяется как специализированная клишированная форма коммуникации между субъектами в рамках правил окружающего их социума. Институциональный дискурс — это общение, где

«противопоставляются сложившиеся в обществе типы общения, отражающие специфику соответствующего социального института» (35, с. 278). Важную роль играет критерий власти и его аспекты: подчинение, социальные отношения и социальная система (50, с. 426), определяющие степень проявления власти в значимых масштабах, а также недобровольный характер институционального дискурса.

В настоящей работе институциональными дискурсами считаются лишь непосредственно связанные с соответствующими социальными институтами, то есть, такие, как политический, юридический, административный и военный. Прочие профессиональные дискурсы не демонстрируют критерий институциональности по причине меньших проявлений признаков, связанных с понятием «власть» и большей степени добровольности протекающего процесса коммуникации. Дискурсы, не вызывающие ассоциации с проявлением власти, согласно работам Зайцевой И.Д. (29) и Акимовой О.Б. (4) целесообразно обозначить как профессиональные дискурсы или дискурсы профессиональных сообществ (29, с. 34). То есть, профессиональными считаются все институциональные дискурсы, исключая семейный. Среди профессиональных дискурсов существует градация по признаку добровольности-принудительности и степени проявления власти, определяющая институциональность профессионального дискурса.

В. И. Карасик, характеризуя институциональный дискурс, говорит о педагогических, политических, медицинских, религиозных и научных видах коммуникации, акцентируясь на отсутствии личностного начала в данных типах дискурса (32, с.7). Ниже представлена краткая характеристика каждого из названных видов институционального дискурса.

Педагогический дискурс включает в число своих участников учителя и ученика, где первый в классическом понимании предстаёт в качестве продуцента, а второй — реципиента. Цель данного дискурса — обеспечение формирования у учащегося необходимых знаний, умений и навыков, а также социализация нового члена общества (35, с.304).

В противоположность педагогическому, научный дискурс устанавливает равенство участников, которыми выступают исследователи как представители научной общественности (35, с.330). Цели данного вида дискурса определяются необходимостью продукции нового знания. Продукт научного дискурса представлен в вербальной форме и обусловлен коммуникативными канонами научного общения: логичностью изложения и достоверностью положений (6, с.60-68).

Медицинский дискурс определяется В. Б. Куриленко как «коммуникативно-речевой уровень существования и реализации профессиональной культуры специалистов-медиков» (46). Цель такого вида дискурса — обеспечение живых существ квалифицированными медицинскими услугами.

Политический дискурс трактуется современной прикладной лингвистикой и политологией как «совокупность дискурсивных практик, формирующих конкретную тематику политической коммуникации» (11, с.7-8). Политический дискурс обладает системой профессионально-ориентированных знаков и своеобразным языком коммуникации, особенностью которого является направленность на массового адресата.

Религиозный дискурс понимается исследователями в узком смысле как используемая в религиозной сфере совокупность речевых актов. В широком смысле данный тип определяется как набор приобщающих к вере речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов (14, с.162). Цель заключается в достижении участника и внутренней гармонии в процессе ритуальных действий. Участниками являются выступающие в роли агента священнослужители и прихожане, имеющие роль клиента. Специфика данного типа заключается в наличии высшего суперагента, чье главенство одинаково признаётся остальными коммуникантами (35, с.318).

Говоря о личностно-ориентированном дискурсе, необходимо отличать его бытовую и бытийную разновидности. Бытовой дискурс диалогичен и

реализуется в разговорных формах речи. Коммуникация участников бытийного дискурса носит насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка, что раскрывает стороны внутреннего мира коммуникантов (35, с. 346).

В противоположность социолингвистическим типам дискурса, прагмалингвистические типы концентрируются на речевых актах, совершаемых коммуникантами. Согласно теории речевых актов, минимальной единицей коммуникации «осуществление определенного вида актов, таких, как констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т. д.» (26).

Классифицирование дискурса в зависимости от его ориентированности обладает рядом сложностей: проблема обозначения границы между типами дискурса; установление фиксированного перечня институциональных дискурсов и соотнесение их с профессиональными дискурсами.

Говоря о разграничении видов дискурса, необходимо упомянуть методы теории поля, согласно которой в каждом дискурсе выделяются ядро и периферия. Любой вид дискурса в качестве периферийного допускает включение в себя элементов иного вида дискурса, и наоборот (66, с. 262). Поле бытийного дискурса, пересекаясь с полем бытового, будет представлять собой рассуждения «о вечном», «разговоры о жизни».

Таким образом, дихотомия институциональности-персональности является ригидной системой лишь при необходимости выделения признаков, в реальности являясь скорее градацией, где интенсивность проявляемых черт зависит от типа дискурса.

Помимо вышепредставленных вариантов дифференциации явления дискурса существуют также частные классификации.

Критерий ситуативности подразделяет дискурсы на текстуальные и ситуационные, где, в противоположность текстуальным, ситуационные спонтанны и определены ситуацией.

Загнитко А. Л. подразделяет все дискурсы на адресатные и безадресатные, которые точнее считать общеадресатными: в данном случае адресат представляет собой не конкретное лицо, а концепт реципиента (28, с. 23).

Русакова О. Ф. в монографии «Современные теории дискурса» выделяет следующие типы дискурсов: дискурсы повседневного общения; институциональные дискурсы; публичный дискурс; политический дискурс; медиа-дискурсы; арт-дискурсы; дискурс деловых коммуникаций; маркетинговые дискурсы; академические дискурсы; культурномировоззренческие дискурсы (59, с. 29).

Таким образом, существует множество критериев классификации дискурса, конечный список которых невозможно представить в связи с объемом самого понятия «дискурс». Следует отметить, что каждая классификация дискурса разрабатывается в соответствии с поставленными в исследовании целями и задачами, тогда как на практике дискурс как явление представляет собой некий континуум, где отдельные типы дискурса плавно перетекают один в другой. То есть, современная гуманитарная наука предлагает множество различных путей классификации дискурса по критериям, заданным целями конкретных исследований.

Глава 3. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И УРОВНИ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Языковая личность как объект исследования является точкой пересечения исследовательских интересов ряда гуманитарных наук. Популярность объясняется важностью человеческого фактора в речевых процессах. Представления об уникальности речевой деятельности каждого носителя языка зародились ещё в XVIII - XIX вв. в трудах В. Фон Гумбольдта и И.Г. Гердера. В дальнейшем феномен заинтересовал ряд учёных, как зарубежных — Л. Вайсгербер, И.А. Бодуэн де Куртенэ, К. Фосслер, так и отечественных — Г.И. Богин, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов и др.

Второе направление исследований рассматривало языковые компетенции носителя языка (48, с. 113). Сам термин «языковая личность» в связи с лингвистическими исследованиями впервые употреблён В.В. Виноградовым.

В современной лингвистике языковая личность исследуется А.Б. Бушевым, М.В. Дедюковой, М.Ф. Масгутовой и др. Среди базовых подходов интерпретации языковой личности выделяются исследование сути понятия и на пути его описания языковой личности — лингвокультурологический и лингводидактический подходы. Второй базовый подход концентрируется на объёме понятия языковой личности, порождая узкий и широкий подходы.

В рамках лингвокультурологического подхода акцент делается на обобщённом образе личности в культурном пространстве как на национально-культурном прототипе носителя языка. Предмет исследования — синтетический образ языковой личности, сформированный множеством воплощений разных индивидов в языке (27, с. 20). Лингвокультурологический подход, соотнося язык, культуру и этнос, в качестве задачи избирает изучение материальной и духовной культуры в её связи с живым национальным языком.

Лингводидактический подход рассматривает языковую личность как совокупность ипостасей, в которых индивид воплощается в языке (27, с. 21). В лингводидактике основными аспектами изучения языковой личности являются ценностный (аксиологический), познавательный (когнитивный) и поведенческий, с обязательной опорой на социолингвистические принципы (35, с. 22). Лингводидактический аспект анализа языковой личности направлен на повышение языковой культуры общества: «языковая индивидуальность выделяет человека как личность, и чем ярче эта личность, тем полнее она отображает языковые качества общества» (57, с. 98).

Широкий подход к изучению языковой личности интерпретирует личность как любого человека, использующего язык. Языковая личность изучается через рассмотрение дискурсивной модели личности: конструируется совокупное множество «Я» с помощью синтеза идей психоанализа и литературоведения. Развиваются методики нейролингвистического программирования.

В связи с востребованностью понятия в научных кругах существует ряд узких подходов к его пониманию. В зависимости от раздела лингвистики, внимание исследователей будет направлено на различные стороны понятия. Например, в лингвистической генологии языковая личность определяется как категория внешнего влияния на коммуникацию и речевые жанры, тогда как в теории коммуникативных актов языковая личность является уже компонентом коммуникативного акта.

Типология языковых личностей также базируется на потребностях исследователя, избирающим основания для её характеристики: полилектная («многочеловеческая») и идиолектная («частночеловеческая») личности (В.П. Нерознак); этносемантическая личность (С.Г. Воркачев); диалектная языковая личность (В.Н. Лютикова); элитарная языковая личность (О.Б. Сиротина, Т. В. Кочеткова) и т.д.

Основные подходы и направления интерпретации позволяют выделить базовое понимание языковой личности как категории, реализующей через внешние признаки свою внутреннюю структуру.

Феномен языковой личности отличается многоаспектностью. Необходим комплексный подход к анализу с учетом квалификационных признаков: лингвистического, лингвокультурологического, лингводидактического, каждый из которых соотносится с уровнями языковой личности, предложенными Ю. Н. Карауловым.

Ю.Н. Караулов определяет языковую личность как человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью» (36, с. 3).

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, языковая личность представлена тремя условными уровнями: нулевой уровень — вербально-семантический (структурно-системный), первый уровень — когнитивный (тезаурусный), второй уровень — мотивационный («прагматический»).

На вербально-семантическом уровне представлена степень владения обыденным языком. Основные единицы данного уровня составляют стандартные слова и словосочетания, носящие стереотипический характер. Отношения между данными единицами выражены в различных грамматических, парадигматических и синтаксических связях.

Единицами лингво-когнитивного уровня выступают различные понятия, идеи и концепты, выражаемые при помощи лексики предыдущего уровня, откуда языковая личность выбирает единицы, соответствующие связям между понятиями в её словарном запасе. Уровень представлен выбранными личностью разговорными формулами и индивидуальными речевыми оборотами. Отражая внешний мир, личность творчески перерабатывает базовый состав языка, создавая свою систему категоризации понятий, впоследствии соединяя их при построении умозаключений.

Высший уровень устройства языковой личности отражает коммуникативно-деятельностные потребности личности, например, желание выразить собственное мнение. Возникающие между данными единицами связи формируют коммуникативную сеть, включающую в себя сферу общения, ситуацию и роли собеседников. Стереотип отвечает коммуникативным потребностям. Мотивационный уровень включает выявление, характеристику мотивов и целей, движущих развитием личности (37, с. 36-40). Черты языковой личности наиболее ярко проявляются на высшем уровне (19, с. 5).

Взаимодействуя между собой, уровни образуют «коммуникативное пространство личности», которое, согласно определению Ю.Е. Прохорова, является собой «совокупность сфер речевого общения, в котором определенная языковая личность может реализовать необходимые потребности» (58, с. 43).

В процессе коммуникации личность демонстрирует обобщенный, типизированный инвариант составляющих ее параметров. Речевую личность можно интерпретировать как личность «в реальном общении». В.И. Карасик предполагает, что в качестве инварианта языковой личности может выступать «базовый национально-культурный прототип носителя языка» (33, с. 4). Например, язык писателей и словарный состав их произведений отражают их языковую компетенцию не в полном объеме (56, с. 21).

Популярность понятия объясняет возникновение исследования языковой личности через создание речевого портрета. Исследователи различным образом интерпретируют понятие «речевой портрет». С.В. Леорда указывает на воплощенную в речи языковую личность определенной социальной общности (49). Ю. С. Алышева определяет понятие как набор определенных качеств языковой личности, формирующихся на базе ведущих коммуникативных свойств ее речи (7). С.В. Мамаева так же обозначает речевой портрет как набор, однако это набор сходных речевых проявлений, присущих коллективной языковой личности (51). Интерпретация речевого портрета как набора неких признаков или качеств присутствует и в

определении Г. Г. Матвеевой: это «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» (54, с. 169).

В представленных определениях общим элементом является выделение исследователями личности в качестве объекта наблюдения, а её речи — в качестве материала исследования.

В процессе своего существования языковая личность постоянно находится в процессе развития, в связи с чем речевой портрет не является функциональной моделью языковой личности, а функциональной реализацией данной модели в плане становления языковой личности. Исходя из этого, цель создания и последующего анализа речевого портрета заключается в реконструкции языковой личности по трем уровням с учетом возрастных особенностей.

Иерархически организованная структура портрета языковой личности включает в себя такие компоненты, как социопсихолингвистический портрет (социальные, психологические, биологические особенности; личные интересы и увлечения), особенности речевого портрета на уровне его лексикона (описание и анализ всех системно-языковых уровней) и особенности речевой культуры (особенности коммуникативного поведения, учет фактора адресата, своеобразие лексики) (47).

Опыт отечественных лингвистов по созданию речевых портретов может быть классифицирован по таким критериям, как объект исследования, материал и параметры исследования. Портрет языковой личности как объекта исследования может описывать как единичную языковую личность — отдельно взятого индивида (20), так и коллективную языковую личность — например, портрет некой социальной прослойки (43), (51). Следовательно, портрет языковой личности может быть релевантным или среднестатистическим в зависимости от выбранного объекта исследования (20). Социальная локализация выделяет два типа объекта: личностный и институциональный, расширяя диапазон исследований от составления

речевых портретов конкретной или коллективной языковой личности до составления портрета институционального субъекта коммуникации, (журнала или газеты) (61). Объект исследования может быть реальным или вымышленным (20).

В качестве материала для составления речевого портрета выступают речь объекта, зафиксированная в письменном виде (41) или в аудио-формате (7). В основу составления речевого портрета может входить ряд таких параметров, как полные характеристики речи на всех уровнях манифестации языковой системы (фонетика, грамматика, лексика, прагматика); частичные характеристики речи на всех или большинстве уровней; селективные характеристики на некоторых или всех уровнях.

Исследователями выделяются различные типы и направления составления речевого портрета. Е. В. Иванцова типологизирует методологические подходы, выделяя социолингвистический, уровневый, лингво-исторический и коммуникативный портреты. Социолингвистические портреты поярусно описывают языковую систему информанта. «Ярусами» выступают: биография, индивидуальные особенности речи, черты социальной группы. В качестве частного подуровня выделяется уровневый вариант портретирования, изучающий один из уровней языковой системы индивида (фонетическое, лексическое, грамматическое портретирование). Лингво-исторический портрет исследует культурно-исторические аспекты языковой личности (55), а коммуникативный — индивидуальные характеристики речевого поведения (20).

В дополнение к представленным типам портретирования О.Н. Паршина выделяет риторический тип портрета, описывающий речевое поведение субъекта и оценивающий его языковые компетенции (44). Методика портретирования К.Ф. Седова устанавливает связи между особенностями речи индивида и глубинными причинами, определяющими своеобразие этих особенностей.

Наиболее распространён тип фрагментарного речевого портрета, направленный на выборочное выделение ярких особенностей речи с последующей их характеристикой.

Среди популярных параметров описания выделяются параметры описания, представленные речевыми манифестациями языковых характеристик на фонетическом, лексическом, грамматическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, и речевые манифестации коммуникативных характеристик (речевые практики, речевые маркеры коммуникативных ролей и др.). Существуют и вспомогательные элементы описания: паралингвистические и невербальные характеристики, экстралингвистические характеристики (возраст, место проживания).

Анализ языковых единиц обеспечивает создание модели конкретной личности, так и целой социальной группы, реально существующих или же являющихся продуктом творческого вымысла некоего лица, т.е., представить речевой портрет языковой личности. Создание развёрнутого портрета требует включения ряда параметров, выходящих за пределы лингвистики.

Глава 4. СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ О. ХАКСЛИ «ЖЁЛТЫЙ КРОМ»

Послевоенный период 20-х годов XX века оказал значительное влияние на формирование творческих и идейных установок Олдоса Хаксли. Утратившие актуальность ценности образовали чёткую границу между эпохами. Новая реальность породила необходимость поиска способов её осмысления, проявившись в художественных экспериментальных поисках.

Демонстрируя перспективы нового времени, Хаксли использует традиции нравоописательной сатиры. Потеря ориентиров вынуждает героев балансировать в новом мире на теряющих актуальность моделях поведения. Персонажи неосознанно стремятся защитить свой миропорядок, не желая воспринимать иные картины мира. Это оставляет их в одиночестве даже среди близких по духу людей, что порождает отравляющее жизнь чувство разочарования.

Хаксли — не только художник слова, но и философ, анализирующий окружающую действительность. Слияние множества путей восприятия бытия создаёт единую картину современного мира, которую Хаксли делает основой поэтики художественного текста, выстраивая его по принципу симфонического многообразия сюжета (9).

На протяжении творческого пути константой уникального стиля Хаксли выступает выражение философских идей через образную систему и художественные техники. Персонажи, подобные элементам периодической таблицы Менделеева, представляют коллекцию человеческих типов. Наблюдая за обществом вокруг себя, Хаксли «вписывает» существующие концепции восприятия в определённых персонажей. Таким образом, каждый персонаж представляет собой особый тип современника Хаксли, или даже группу людей или целый социальный класс. Развитие персонажей-идей идёт параллельно с эволюцией творчества писателя: система характеров содержит персонажей, появляющихся в большинстве романов Хаксли.

«Жёлтый Кром» показывая всеохватность разрушительного влияния новой эпохи, демонстрирует реципиенту многообразие слоёв общества как

современной писателю Англии, так и прошлых эпох. Центральными персонажами являются представители аристократии и интеллигенции: семейство Уимбушей, Дженни Маллион, Мэри Брейсгёрдл, художник Гомбо, мистер Скоуган, мистер Барбекью-Смит и Айвор Ломбард.

Прообразом романа является усадьба Гарсингтон, принадлежавшая Филипу Мореллу и его жене, леди Оттолин, стремившейся стать центром культурной жизни Англии. В «Жёлтом Кроме» современники заметили черты хозяев и гостей усадьбы, в частности, в Скоугане угадываются Норман Дуглас и Герберт Уэллс, в Присцилле — леди Оттолин (8).

Война и её потрясения в меньшей степени коснулись высших классов Британии: последствия войны будто не затронули обитателей Жёлтого Крома, которые на протяжении всего романа остаются в пределах усадьбы. Хаксли изображает обстановку в Жёлтом Кроме в иллюзорно-идиллических тонах, погружая читателя в оазис старины. Убранство дома подчёркивает связь с прошлым: множество старинных книг в библиотеке, мебель восемнадцатого века в столовой и галерея портретов предков. Нынешнее поколение жильцов отражается в обстановке куда бледнее: «There was much of Henry Wimbush in the long gallery and the library, something of Anne, perhaps, in the morning-room». В контексте событий новой эпохи праздный образ жизни героев метафорически представляет общество ностальгического эскапизма.

Деревенские жители возникают в романе в качестве фоновых персонажей. Классы смешиваются в нерабочей обстановке лишь на ярмарке.

Промежуточное звено между аристократией и фермерами представляют священник Бодиэм и его жена. Священник связывает эпохи, выступая хранителем опыта прошлых поколений. В портретном описании персонажа используются серый и коричневый цвета, текстуры металла. Черты внешности Бодиэма сближают его с хищной птицей (3, ch. 9, p. 1). Сравнение с призраком подчёркивает роль дополнения к образу мужа Миссис Бодиэм (3, ch. 9, p. 5). Чета олицетворяет собой мрачную реальность

положения дел в мировом пространстве, выступая контрастным штрихом легкомыслию центральных персонажей.

В романе также присутствуют персонажи, не являющиеся непосредственными участниками настоящих событий: это владевшие Жёлтым Кромом до Уимбушей представители рода Лапитов. Представленные мистером Уимбушем выдержки исторических бытописаний демонстрируют подробности «в целом мирной и ненасыщенной событиями хроники», обнажая контраст между эпохами. Труд мистера Уимбуша вызывает неподдельный интерес остальных персонажей романа, объединяя их. Бессознательное желание понимания и единения мыслей находит свой выход в обращении к истории Жёлтого Крома. Лапиты являются пассивными фигурами, объектами, объединяющими центральных персонажей романа.

Таким образом, система действующих персонажей романа «Жёлтый Кром» состоит из персонажей заднего плана, представленных фермерами и владельцами соседних поместий; четы Бодиэм, занимающих периферийное положение между задним и передним планами; а также персонажей переднего плана, представленных владельцами и гостями поместья «Жёлтый Кром».

Центральных персонажей романа можно дифференцировать по параметрам возраста и пола. Выделяются четыре группы персонажей: мужчины старшего возраста, женщины старшего возраста, молодые женщины и молодые мужчины. Мужчины старшего возраста представлены Генри Уимбушем, мистером Барбекью-Смитом, мистером Скоуганом и пастором Бодиэмом. В группу женщин старшего возраста входит лишь Присцилла Уимбуш. Группа молодых женщин состоит из Энн Уимбуш, Мэри Брейсгёрдл и Дженни Маллион, чья глухота преграждает участие в дискурсе и делает невозможным составление речевого портрета. Айвор Ломбард, Гомбо и Дэнис представляют собой группу молодых мужчин. Численное меньшинство одной из групп обусловлено разницей между поколениями женщин, где старшее поколение воспитывалось с установками,

определяющими женщину как объект. Таким образом, в отличие от молодых персонажей, группы персонажей старшего возраста количественно отличаются в зависимости от пола.

Положение женщин поколения Присциллы Уимбуш характеризуется отсутствием условий для формирования способности мыслить самостоятельно (30), в связи с чем способность к ведению дискурса у данной группы лиц проявляется в меньшей степени.

Присцилла Уимбуш, жена Генри Уимбуша, — первая, кого встречает Дэнис Стоун. Сидя в своём будуаре, она увлечена составлением гороскопов. «Мужские» черты в облике Присциллы, экстравагантная манера одеваться и причёска неестественно оранжевого цвета подчёркивают комичность образа. И раннее, и настоящее увлечения (ставки на скачках и астрология, соответственно) показывают авантюризм Присциллы.

Как и многие, Присцилла стремится понять и упорядочить окружающий мир. Своё увлечение астрологией миссис Уимбуш объясняет потребностью в вере: «You've no idea how amusing and exciting life becomes when you do believe». Как и ставки, астрология помогает сбежать от серой жизни в усадьбе: «Here am I at Crome. Dull as ditchwater, you'd think; but no, I don't find it so <...> I have the Stars...».

Особенности характера Присциллы прослеживаются в речи, начиная от фонетики и заканчивая синтаксисом.

Голос Присциллы «низкий и мужской», как и смех (3, ch. 2, p. 2). Выразительное чтение творчества Барбекью-Смита демонстрирует артистизм героини: «The voice, which had risen in tone, questioningly, from sentence to sentence, dropped suddenly and boomed reply». Миссис Уимбуш интонационно выделяет значимые понятия («Stars», «OldDays», «Infinite», «Aura»), обозначенные в тексте романа с заглавных букв.

Артистизм природы не проявляется на морфемном уровне: Присцилла не характеризуется стремлением к словотворчеству.

В ходе анализа на морфологическом уровне был произведён подсчёт личных местоимений, употребляемых Присциллой во второй главе романа. Личное местоимение первого лица единственного числа «I» употребляется 18 раз (также Присцилла говорит о себе, используя косвенный падеж личного местоимения «I» «me» — 4 раза и притяжательного местоимения «my» — 2 раза), личное местоимение второго лица единственного числа «you» — 16 раз, из которых 11 подразумевают под собой конкретного адресата и 5 — абстрактного, и личное местоимение первого лица множественного числа «we», употреблённое за всю главу один раз. Что касается интересов и ценностей Присциллы Уимбуш, частные аксиологемы «horoscope», «Stars» и «OldTimes» встречаются в тексте второй главы романа соответственно 2, 4 и 3 раза. «Stars» в противовес «horoscope» интонационно подчёркивается, что показывает превалирующую роль «Stars» как мировоззрения над «horoscope» как деятельностью.

На лексическом уровне речи героини встречается множество повторов: «**Such a pity** you don't believe in these things, Denis, **such a pity**»; «Pleasure — **running about**, that's all it was; **just running about**»; «**I marked it. I always mark the things I like**» и т.д., что может быть обусловлено однообразностью жизни в усадьбе.

На синтаксическом уровне речь Присциллы богата риторическими фигурами: «It makes life so jolly, you know»; «Dull as ditchwater, you'd think»; «He compares the Soul to a Lotus Pool, you know». Героиня, регулируя направление беседы при помощи риторических обращений, оставляет собеседнику всё меньшее количество времени для ответа, зачастую самостоятельно проговаривая желаемый ответ.

Таким образом, экстравагантный образ эксцентричной дамы демонстрируется через увлечения, любовь к выразительному чтению и общей яркой интонационной окраске речи. Частота употребления местоимения I и его производных показывает замкнутость на собственной личности. Пресная рутина жизни в усадьбе отразилась в речи Присциллы

Уимбуш частыми лексическими повторами. Присцилла, регулируя дискурс при помощи риторических фигур, демонстрирует экстраверсию и эгоизм. Основываясь на полученных данных, можно определить важность собеседника для Присциллы Уимбуш только как инструмента самопознания.

Вторая группа, старшие мужчины — мистер Барбекью-Смит, Генри Уимбуш, мистер Скоуган и пастор Бодиэм. Образ жизни обеспеченного британца сравнительно мало менялся, однако со смягчением границы между классами произошло взаимное заимствование черт образа жизни (45).

Так, происхождение мистера Барбекью-Смита игнорируется персонажами, оценке подвергается лишь его творчество. Тучный человек с львиной гривой черных с сединой неопрятных волос, мистер Барбекью-Смит предстаёт популярным учителем жизни. Знакомство начинается заочно: в процессе общения Дэниса Стоуна и Присциллы Уимбуш. Демонстрируемые отрывки книги отличаются мелодичностью, близкой к стихотворению, что реализуется через ряд языковых уровней.

На фонетическом уровне напевность достигается объёмом гласных звуков в речевых конструкциях Барбекью-Смита. Ударение на первый слог («**What are thousand pound fur coats, what are quarter million incomes?**») создаёт ритмичность и медитативность, что усиливается длиной используемых слов.

На морфемном уровне демонстрируется лаконичность, что придаёт звучанию отчётливость и обеспечивает смысловую связь в развиваемой писателем мысли: «Seenthingsaresweet, butthoseunseenareathousandtimesmoresignificant». Барбекью-Смит, вероятно, сознательно использует именно «unseen», не заменяя его неоднокоренным синонимом, что усиливает смысл идеи.

Тенденция к обобщению проявляется на морфологическом уровне в использовании множественного числа («furcoats», «incomes», «gaieties», «splendours», «pleasures») в сочетании с аксиологемой «Life».

Поэтичность книги писателя реализуется на лексическом уровне через богатую наполненность контекстуальными синонимами: «They are nothing. Vanity, fluff, dandelion seed in the wind, thin vapours of fever» (3, ch. 2, p. 3). Смысловая связь в книге Барбекью-Смита осуществляется через слова-сигнификаторы, выстроенные по принципу звеньев цепи: «They are **nothing**. Vanity, fluff, dandelion seed in the wind, thin vapours of fever. The **things** that matter happen in the heart. Seen **things** are sweet, but those **unseen** are a thousand times more significant. It is the **unseen** that counts in Life».

На синтаксическом уровне рассуждения представляют собой цепь риторических вопросов, завершаемую выводом — утвердительными по структуре предложениями, продолжающими ритм начатой ранее мысли.

Непосредственное знакомство с Барбекью-Смитом происходит в шестой главе. На фонетическом уровне заметна разница между «публичным» и «личным» тонами Барбекью-Смита. Наедине Барбекью-Смит начинает говорить тихо и быстро, не скрывая своих истинных эмоций. Как и Присцилла Уимбуш, Барбекью-Смит интонационно выделяет ценные концепты, подкрепляя их активной мимикой.

Для Барбекью-Смита писательство из творческой деятельности переросло в деятельность рабочую. Жизнь как постоянный процесс погружённости в работу на морфемном уровне отражается через обилие формы -ing в речи писателя.

На морфологическом уровне демонстрируется эгоцентризм: в диалоге с Дэнисом местоимение «I» и его производные формы употребляются 62 раза, тогда как местоимение «you» — 38 раз. Однако, говоря о трудностях писателя, Барбекью-Смит объединяет себя и Дэниса местоимением «we».

На лексическом уровне заметно серьёзное влияние специфики работы на личность писателя: речь полна метафор и эпитетов. Говоря о поиске вдохновения, Барбекью-Смит использует слово «canalize» в дополнительном значении, подкрепляя его развёрнутой метафорой: «I canalise it. I bring it down through pipes to work the turbines of my conscious mind».

В лексике также часто встречаются повторы («Soquaint, soold-world»; «Excellent, excellent»; «Dagoon, dogoon»), что позволяет акцентировать внимание на важных аспектах речи. Повторы в речи отмечены в речевых глаголах к репликам Барбекью-Смита: «"...Four thousand," he repeated» и «Mr. Barbecue-Smithrepeated».

На синтаксическом уровне выделяется разница в объёме реплик при формальном и неформальном общении. В первом случае используются короткие предложения, почти лишённые художественно-выразительных средств. Однако в общении с Дэнисом Барбекью-Смит искренен, что отражается в сложных развёрнутых предложениях.

Таким образом, речевой портрет Барбекью-Смита представляет его как писателя, поднявшегося с самых низов за счёт потакания желаниям массового читателя, вынужденного отказаться от своего уникального видения мира и скрывать свою личность под услужливой маской, которая со временем стала частью его личности. Барбекью-Смит помнит трудности и лишения молодости, и потому испытывает сочувствие к молодым талантам, к которым относит Дэниса. Коллега по избранной деятельности является для него фигурой, которой можно показать часть своей настоящей личности.

В противоположность мистеру Барбекью-Смиту, хозяин усадьбы, Генри Уимбуш, отличается спокойствием и немногословностью: «unageing, calm, serenely without expression», что отражается и на фонетическом уровне — голос мистера Уимбуша малоэмоционален и мягок, однако, его всегда слышно. Интонирование слабо выражено в речи мистера Уимбуша: важность его труда означает словами, а не интонацией.

На морфемном уровне происходит активное словообразование («considerations», «contemplation», «subterranean» и др.), что создаёт эффект нагруженности речи.

Различение концептов «Я» и «Мы» заметно на морфологическом уровне: местоимение «we» и его производные используются в разговоре о совместной работе («wedugupfiftyyardsofoakendrain-pipes») или

собственности («HasPriscilla told you of four great antiquarian finds?»). Такое понимание демонстрирует организаторские умения, что подтверждается в 25 главе романа во время организации ярмарки.

На лексическом уровне состав речи концентрируется вокруг археологии, истории и архитектуры: используются термины, принадлежащие архитектуре и археологии, наименования исторических персоналий (Solomon, Boethius, Epictetus and Marcus Aurelius, Erasmus и пр.) и узконаправленных работ («One of Her Majesty's Most Honourable Privy Counsellors, F.L. Knight»).

Хорошего организатора в мистере Уимбуше выдает точность числовыми данными: «fifty yards fifteenth century»; «She had a litter of fourteen»; «fourteen pigs grow where only one grew before»; «In 1573 he even published».

На синтаксическом уровне речь мистера Уимбуша характеризуется обилием сложных распространённых утвердительных предложений.

Таким образом, хозяин усадьбы Жёлтый Кром Генри Уимбуш представлен как интроверт, стремящийся сбежать от живого общения в сферу фактов и цифр, однако, обладающий ответственностью и волей.

Пастор Бодиэм стремится к уединению, прячась за «Железную Маску». На протяжении всего романа у Бодиэма всего три реплики: «What has happened now?» (3, ch. 9, p. 6); «And the cedar of the house within was carved with knops» (3, ch. 18, p. 1); «How long...how long?» (3, ch. 27, p. 5). За исключением цитирования, речь пастора полна вопросительных конструкций, обращённых к конкретному адресату: в девятой главе романа это жена пастора, миссис Бодиэм, в двадцать седьмой — Бог. Немногословность в живом общении компенсируется внутренними монологами пастора, обращёнными к самому себе. Монолог в 9 главе романа является процессом анализа качества подачи проповедуемого материала. Во вступлении обозначена проблема — отсутствие должного внимания со стороны паствы, в основной части приводится сама проповедь, и заключительная часть содержит выводы о степени убедительности

проповеди. Далее следует эмоциональная реакция на несоответствие качества проповеди и реакции паствы на неё, и в самом конце представлены размышления пастора о текущих мировых событиях.

Проповедь отличается высоким уровнем структурной организации: есть вступление, обозначение темы, аргументация, выводы и напутствие.

На фонетическом уровне выделяется резкий тон пастора, не терпящий возражений. Эмоционально-оценочная лексика в речи пастора в большей степени носит негативную окраску, представлена сравнениями и риторическими вопросами и прямо или косвенно обращена на паству, чем на подаваемый им материал: «But the souls of the faithful at Crome were made of india-rubber» (3, ch. 9, p. 1), «Howlong...howlong?» (3, ch. 27, p. 5), «The passengers on the "Titanic" sang "Nearer my God to Thee" as the ship was going down» (3, ch. 9, p. 1).

На морфемном уровне проявляется однозначность изображаемого мира, выраженная здесь через грамматическую категорию времени без модальности возможности («theLord**will**comeanddeliver...» (3, ch. 9)).

На морфологическом уровне структурированность проповеди поддерживается сменой формы лица личных местоимений. Форма личного местоимения «me» трансформируется из единственной («Let**me** enumerate» (3, ch. 9)) в множественную («Let **us** examine the facts», «**We** may assume», «**We** come next to the spirit of Popery», «Christ may be upon **us** unawares» (3, ch. 9)). В заключительной части проповеди используется местоимение второго лица множественного числа: «Mayitbeforallof**you**anobjectofhope» (3, ch. 9).

На лексическом уровне поддерживается структурная организация проповеди: вводные конструкции («Although», «True», «Again», «though it must be admitted», «Closely following», «Let us examine the facts», «We come next to...» (3, ch. 9)) и заключительные конструкции («Theidentificationis nowcomplete» (3, ch. 9)) помогают обозначить важные элементы проповеди.

Лексический состав проповеди также отличается концентрацией пастора на количестве перечисляемых объектов («Armageddon is brought about by the activities of three unclean spirits»; «If we can identify these three powers of evil», «that the three evil spirits»; «Have these three influences»; «as the two other evil spirits» (3, ch. 9)).

На синтаксическом уровне речь пастора отличает преобладание утвердительных предложений и риторических конструкций. Отличительными чертами проповеди являются цитаты из Библии («For nation shall rise up against nation, and kingdom against kingdom: and there shall be famines, and pestilences, and earthquakes, in divers places» (3, ch. 9)) и напутствия пастве: «Be ready, then...» (3, ch. 9, p. 4).

Таким образом, представленный речевой материал отличается стилистической нейтральностью и сухостью изложения. Обращаясь к саморефлексии или излагая материал реципиентам, пастор Бодиэм прежде всего концентрируется на организации структуры подачи материала, что ярче всего реализуется на морфологическом и лексическом языковых уровнях. Вышеизложенные положения формируют речевой портрет человека, занимающего должность пастора и тяготящимся отсутствием эмоциональной реакции паствы. Речь пастора разделяется на три сферы: сферу непосредственного двустороннего общения, сферу опосредованного двустороннего общения и внутренние монологи. Тогда как первая сфера представлена в романе скудно, вторая и третья имеют ясную структуру, чёткость которой достигается за счёт использования средств различных языковых уровней, например, таких, как смена формы и лица местоимения или использования ряда вводных конструкций. Концентрация на структуре подаваемого материала — яркая речевая особенность пастора.

Если Барбекью-Смит предстаёт философом, Генри Уимбуш — учёным, а Бодиэм — преподавателем в должности священнослужителя, мистер Скоуган сочетает вышеперечисленные характеристики в желании интерпретировать мир.

Мистер Скоуган ассоциируется с птерозавром, имеет похожий на клюв нос и резкий тонкий голос, выглядит значительно старше своего возраста. Героя отличает высокая активность и эмоциональность, что передаётся в речи персонажа на фонетическом уровне через обилие вопросительных и восклицательных конструкций.

На морфемном уровне языковая личность Скоугана проявляется в словотворчестве: формирование слов происходит путём перевода существительных из имён собственных в имена нарицательные («*The resulting image gives me his Caesarean formula*» (3, ch. 16, p. 1); «*no more Caesar Borgias, no more Luthers and Mohammeds...*» (3, ch. 22, p. 4)) и через прибавление к слову словообразующих морфем («*or at least a little less porkishly than usual*» и «*customary porkishness*»).

На морфологическом уровне всеохватность натуры героя проявляется в употреблении глаголов в настоящем («*At this very moment... the most frightful horrors are taking place in every corner of the world*» (3, ch. 16, p. 2)), прошедшем и будущем («*In the Rational State... human beings **will be** separated*» (3, ch. 22, p. 3)) временах. В размышлениях о путях развития мира используются модальные глаголы с значением возможности: «*I would compel them to wear<...> turned back to frantic — so that every clergyman should present to the world a smooth facade...*» (3, ch. 8, p. 1). Однозначность видения мира будущего подчёркивается за счёт отсутствия употребления модальных глаголов, выражающих возможность. Убеждённость во взглядах подчёркивается употреблением модального глагола «*must*» («*In future, the men of reason **must** see that the madness of the world's maniacs...*»). Таким образом, картина будущего подаётся как единственно верный результат текущих событий и тенденций окружающего мира.

На лексическом уровне эмоциональность проявляется в характеризующих реплики речевых глаголах («*pounced alarmingly*», «*Mr. Scogangroaned*», и т.д.) и в междометиях («*Phooh!*», «*Ah!*» и «*eh*»). Лексика отличается насыщенностью словарного запаса, выражающегося

в использовании персонажем архаизмов («cupbearers»), терминов — как уже существующих («HomoSapiens»), так и собственных («Caesareanformula»), исторических реалий («evangelization»; «Crusade») и персоналий («Caesar»; «Bourbons»; «Napoleon»), богатством используемых средств художественной выразительности. Вречивстречаютсяэпитеты («frightful limitation»; «in a rosy state of intoxication »; « that haphazard creature of brute circumstance»), метафоры («Out of the ten octaves that make up the human instrument» (3, ch. 25, p. 3); « All philosophies and all religions — what are they but spiritual Tubes bored through the universe » (3, ch. 23, p. 1)ит.д.), оксюморон («merely grotesque»), и сравнения («They give me the same pleasure as I derive from a good piece of reasoning or a mathematical problem or an achievement of engineering » (3, ch. 23, p. 1); «Like Polynesian trophies...» (3, ch. 22, p. 5)). Иностранные заимствования («enbonsbourgeois») и крылатые латинские выражения («vox et praeterea nihil») также присутствуют в речи персонажа.

На синтаксическом уровне реплики персонажа отличает преобладание сложных утвердительных распространённых предложений. Реплики имеют чёткую структуру: заявляется тема высказывания, приводится аргументация, переходящая в ряд эмоционально-оценочных, подводятся итоги. В 23 главероманаСкоуганвысказываетсвоёмнениепревосходствечеловеканадприродой, спервазаявляятемусвоейречи («I like to see pictures from which nature has been completely banished»), затем приводитрядаргументов («Nature, or anything that reminds me of nature, disturbs me»; «it is too large, too complicated, above all too utterly pointless and incomprehensible»), которыепостепеннонаполняютсяэмоциями («All philosophies and all religions — what are they but spiritual Tubes bored through the universe!»), завершаясьвыводом («give me ideas, so snug and neat and simple and well made»). Специфическаяструктурасинтаксисавместескатегоричностью, субъективностьюиоценочностью («tunnels, where all is **recognisably human**, one travels **comfortable and secure**» впротивовес «**the blind mass of earth**,

endless and unexplored) суждений отсылает к проповеди (15). Эффект подкрепляется повторами простых предложений в составе сложного («Yes, **give me** the Tube and Cubismus every time; **give me** ideas, so snug and neat and simple and well made»), что придаёт речи напевность и музыкальность.

Выявленные особенности речи представляют героя человеком с широким кругозором и богатым словарным запасом, обладающим живостью ума и эмоций. Мистер Скоуган многословен, склонен к категоричности и эмоциональной оценочности. Высказывания мистера Скоугана выстроены по структуре «тема-аргументация-эмоциональная оценка-итог». Всё это придаёт речевому поведению персонажа сходство с деятельностью пастора.

Таким образом, старших мужских персонажей отличает высокий уровень образования, глубина познания материала выбранной специализации и обладание авторитетом среди своего окружения.

Говоря о молодых женских персонажах, следует отметить отличие XX века тенденцией к эмансипации: молодые женщины имели большую свободу выбора своего жизненного пути и могли обладать возможностью сформировать свою независимую точку зрения на мир. Таковы персонажи Дженни Маллион, Мэри Брейсгёрдл и Энн Уимбуш.

Дженни Маллион, страдая от глухоты, почти лишена возможности вступать в речевые акты коммуникации с обитателями Жёлтого Крома. Отражая окружающую среду в своих набросках, она не испытывает потребности в обратной связи.

Ярким примером поколения высокообразованных молодых женщин начала XX века является Мэри Брейсгёрдл. В третьей главе романа происходит знакомство с персонажем: это серьёзная девушка с модной стрижкой, выглядящая моложе своего возраста.

На фонетическом уровне молодость Мэри отражается в яркости эмоций: репликам неоднократно даётся характеристика «**exclaimed**» и подчёркивается её взволнованное состояние: «**with a gasp**»,

«Herfacehadflushedwithexcitement » и т.д. Мэри ставит интонационные акценты применительно к вспомогательному глаголу «tobe» в его различных формах: «Afterall, whatWASDenis?», «WhatAREyoudoing, Denis?» «What ISthematter, Denis?»).

На морфемном и морфологическом уровнях языковая личность Мэри мало проявляет себя, реализуясь главным образом на лексическом уровне. Свою позицию Мэри стремится выразить предельно чётко, выражая её вербально. Степеньпозициипредаётсячерезнаречия («I entirely agree», «I entirely disagree»). Наречие «entirely» встречается в речи Мэри 4 раза на протяжении всего романа. Второе часто употребляемое слово — «awful» и его производные, также четырежды сказанное Мэри на протяжении романа. Чаще появляется слово «serious»: оно употребляется 16 раз и в речи Мэри, и в качестве характеристики её речи. Мэри Брейсгёрдл стремится донести свою мысль, используя научный стиль изложения, что придаёт её речи тяжеловесность.

В

24

главероманаМэридемонстрируетсхематизированноеидистанцированноевосприятиепроблемы: «If one individual seeks intimate contact with another individual in the natural way, she is certain to receive or inflict suffering».

На синтаксическом уровне часто встречаются вопросительные предложения: Мэри уточняет слова собеседника, часто переспрашивая его и проверяя сказанную им информацию («Fourteen?»; «"Bottles?" she said. "Doyoureallythinkso? Bottles..."»). Сложность сферы романтических чувств для Мэри подчёркивается через структуру предложения: сложноподчинённые предложения резко контрастируют с простыми, которые обычно использует Мэри. Сфера романтики настолько сложна для восприятия, что Мэри не называет свои чувства напрямую: «Shesouldn'tdowithouthimnow». В сознании Мэри сама причина горя только подразумевается. Данное явление характерно для духовной стороны романтического чувства.

Итак, речевые особенности Мэри Брейсгёрдл представляют её эмансипированной молодой женщиной, серьёзно оценивающую явления окружающего мира и обладающую рациональным мышлением. Речь героини чиста и понятна за исключением сложных для понимания тем: Мэри максимально дистанцируется от темы романтических отношений.

Энн Уимбуш, племянница Генри и Присциллы Уимбушей, не закована в рамки серьёзности. Энн появляется в третьей главе романа: сперва слышен её смех, затем взору предстаёт кукольная красота героини.

Энн стремится к простоте и естественности, что отражается в её речи, отличающейся лёгкостью. На фонетическом уровне эмоциональность передаётся обилием вопросительных и восклицательных предложений, а также отражается в речевых глаголах к её репликам: «"Why, Denis," she exclaimed», «"How cruel!" Anne exclaimed» и т.д.

Личность Энн мало проявляется на морфемном уровне. На морфологическом уровне проявляется направленность на диалог. Местоимения «I» и «you» встречаются равное число раз в речи героини: около 68 раз против 72 соответственно. Личное местоимение первого лица множественного числа «we» используется Энн в 25 главе романа во время организации ярмарки. На уровне лексики в речи Энн преобладает простота языкового состава. На синтаксическом уровне речь Энн проявляется в диалогических высказываниях. Направленность на собеседника проявляется и в приблизительно одинаковом соотношении личных.

Лёгкость характера Энн передаётся в речи за счёт длины используемых слов, характеризующихся минимальной нагруженностью аффиксами, смысловой простоты используемой лексики и простой структуры предложений.

Таким образом, молодых женских персонажей отличает меньшая специфичность речи и ориентированность на диалог. Лёгкость речи достигается вышперечисленными морфологическими, лексическими и синтаксическими средствами.

Схожее речевое поведение заметно у молодых персонажей мужского пола. Художник Гомбо предпочитает речевым практикам самовыражение через изобразительное искусство. В третьей главе Гомбо описывается черноволосым молодым человеком провансальского происхождения тридцати лет, со сверкающими зубами и горящими большими черными глазами. Гомбо немногословен и выражает себя через искусство: в 12 главе внутренние размышления персонажа полны мыслями о творческом поиске. Погружённость в творчество сказалось и на языковой личности персонажа. На фонетическом уровне эмоциональность персонажа отражается в восклицательных предложениях. На морфемном и морфологическом уровне языковая личность героя не выделяется. На лексическом уровне встречаются однообразные вводные слова-шаблоны: «**And**thepeople?»», «**And**whatwerethey?» и «**And**whichoftheCaesarsdoyouresemble?» и т.д. Творческая натура Гомбо отражается в экспрессивности используемой лексики («Damn you!»; «Oh, damn Degas!»), что также подчёркивается речевыми глаголами к его репликам: «Gombauld mimicked her voice», «said Gombauld, **with a laugh**» и т.д.

Как и Гомбо, Айвор Ломбард наделён творческим талантом. Айвор имеет талант к музыке, изобразительному искусству и поэзии. Айвор — обеспеченный молодой человек двадцати шести лет, отличающийся неисчерпаемой энергичностью и постоянным пребыванием в движении.

Языковая личность Айвора ярко проявляется на лексическом уровне. Словарный запас Айвора охарактеризован «rich, but a little erratic». Это подтверждается используемыми персонажем архаизмами, эпитетами, метафорами и сравнениями: «varletry», «I've come with incredulous speed», «An angel's feather» и «The air's like wool». Покидая усадьбу в двадцатой главе, Айвор оставляет на прощание два стихотворения: одно в благодарность хозяевам усадьбы, второе — для Мэри. Первое стихотворение отличается большим объёмом и сложностью средств художественной выразительности, (парные сравнения

«Cromecallsmelikethevoiceofvesperalbells» и «Hauntslikeaghostly-peoplednecropole»). В эпитете «auricularwings» прилагательное употреблено в редком значении («тайный, сказанный на ухо»), в эпитете «vesperalbells» окказионализм «vesperal» образован при помощи словообразовательного аффикса —al из существительного «vesper», что демонстрирует нестандартность мышления героя.

Второе стихотворение отличается простотой используемых средств: эпитеты «maidofmoonlight» и «Brideofthesun», адресованные Мэри, развёрнутое сравнение «Likebrightplumesmoultedinanangel'sflight» и эпитет «mostmysticcell». Двойственность природы Айвора проявляется в постскриптуме, где отсутствуют тропы и знаки препинания.

Речевой портрет Айвора Ломбарда состоит из лексических особенностей речи, представленных объёмным словарным запасом и сложностью средств художественной выразительности. В речи персонажа проявляются как положительные качества характера, так и отрицательные.

Поэтическим талантом отличается главный герой романа, Дэнис Стоун, один из автобиографических героев Олдоса Хаксли. При создании автобиографического героя используются наиболее яркие черты, не ставящие автора и героя в позицию тождества (12, с. 16). Дэнис является молодым писателем-интеллектуалом, перешедшим от поэзии к прозе. Как и Хаксли, Дэнис не был на фронте, о чём свидетельствуют его личностные качества.

С момента прибытия на станцию и по мере приближения к усадьбе Дэнис, вдохновляясь пейзажами, погружается в творческие поиски: увлечение Дэниса поэзией становится очевидно. Увлечённость красотой слов и склонность к анализу мира проявляются в речи персонажа.

Эмоциональное состояние Дэниса прослеживается в длине реплик. На фонетическом уровне интонации Дэниса выдают его эмоциональное состояние. На морфемном уровне писательский талант отражается в тенденции к словообразованию: так, афористичность фразы

«I believe I enjoy scratching this pig quite as much as he enjoys being scratched»
достигается добавлением к глаголу «to scratch» различных аффиксов.

На морфологическом уровне стремления героя отражаются в форме используемых местоимений. Дэнис абстрагируется от обсуждаемого тем, используя неопределённое местоимение «one» («It's the fault of one's education», «If only one could always be kind...», «...one on which it would not have been worth while to insist» ит.д.). Личное местоимение в единственном числе «I» показывает заикленность Дэниса на собственной персоне, что наиболее ярко заметно в одном из монологов Дэниса, где с «I» начинается большая часть составляющих монолог предложений.

На лексическом уровне богатый словарный запас Дэниса включает иностранную лексику («Galbe, gonfle, goulu: parfum, peau, pervers, potele, pudeur: vertu, volupte»), литературоведческие термины («corridor of assonance and alliteration»), исторические персоналии («Iamblichus, Pomponazzi»). Лексический уровень демонстрирует поверхностность знаний Дэниса: в XX главе романа Дэнис показывает неверное понимание слова «auricular», после чего рассказывает историю о ложной интерпретации слова «carminative». Цитирование в речи персонажа встречается часто (Дэнис цитирует как классиков английской поэзии (3, ch. 4, p. 2), так и простых пародистов (3, ch. 2, p. 2)) и имеет различные цели — от выражения мысли до самооценивания.

Разнообразные тропы встречаются во всех речевых процессах героя. Стихотворение, созданное Дэнисом в 10 главе романа, включает риторическую эпифору — стихотворение начинается и заканчивается фразой «I don't know», синтаксический параллелизм («When summer nights are dark and still, When the wind's many-voiced quire»), развёрнутую метафору («(When the wind's many-voiced quire sleeps among the muffled branches») и эпитет («Time's black and silent flow»).

На синтаксическом уровне проявляется афористичность философских изречений Дэниса, достигаемая использованием простых по структуре предложений.

Речь Дэниса содержит диалогические и монологические высказывания. Последние схожи по структуре с эссе: Дэнисом объявляется краткий тезис — двусоставное предложение («Whatapleasureitis...todosomebodyakindness») или односоставное назывное («Books»), содержащее лишь именительный темы. После следуют аргументация и заключение.

Уровни языковой личности формируют портрет эмоционального молодого писателя, обладающего высоким уровнем образования. Недостаток знаний и опыта Дэниса, совмещённый с его склонностью к монологическим философствованиям, эгоцентризм, высокая степень самооценки — все эти факторы создают комический эффект в романе.

Таким образом, проанализировав языковые личности персонажей и составив их речевые портреты, можно заключить, что молодые персонажи мужского пола тяготеют к поиску себя в искусстве и направлены на диалогические коммуникативные взаимодействия. В речи старших мужских персонажей преобладают монологические высказывания. Молодые женские персонажи также чаще используют диалогическую речь, в отличие от группы старших женских персонажей.

Словарный запас старших персонажей более объёмен и специфичен, тогда как молодые персонажи-поэты отличаются нестандартностью использования средств художественной выразительности. Для всех персонажей молодого возраста характерна рефлексия и скрытая вербализация, возникающая в процессе мышления, тогда как старшие персонажи размышляют в процессе монологической речи.

Следовательно, каждая из выделенных в данном исследовании групп персонажей обладает определённым набором присущих ей черт, что выражается в речи её представителей на всех уровнях языка.

Глава 5. ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГООБРАЗИЯ (ПОЛИФОНИИ) ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В РОМАНЕ О. ХАКСЛИ «ЖЁЛТЫЙ КРОМ»

Сюжет романа Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром» движется процессом обмена философией жизни. Характеры персонажей раскрываются в дискурсе на различные темы: философия, история, отношения, искусство и т.д. Условно можно выделить четыре области, в поле которых лежат представленные в романе дискурсивные практики: искусство, социум, философия и религия, а также романтические взаимоотношения. Соответственно им выделяются типы дискурса: художественно-поэтический, социально-исторический, религиозно-философский и любовный.

Перечисленные типы дискурса представлены в романе как коммуникативными взаимодействиями между персонажами, выраженными диалогической и монологической речью, так и интериоризированными речевыми актами (внутренней речью персонажей) в форме монологов, диалогов и речевого реплицирования.

Ю.М. Сергеева рассматривает коммуникативные составляющие внутренней речи, отмечая, что «интраперсональное общение проявляется в трёх основных формах — внутренний монолог, внутренний диалог и простое внутреннее реплицирование. Внутренний монолог является формой однонаправленного речевого воздействия индивидуума на самого себя. Внутренний диалог представляет собой последовательность встречных, диалогически взаимосвязанных высказываний, порождаемых говорящим и непосредственно воспринимаемых им в процессе интраперсонального общения. Простое внутреннее реплицирование — это невзаимосвязанные, относительно краткие высказывания, возникающие обычно в неречевых ситуациях или представляющие собой внутренний комментарий к воспринимаемой внешней речи» (60, с. 6).

Степень диалогичности внутренней речи определяется И.В. Артюшковым как «монологическое образование с элементами условной диалогизации» (10, с. 101). Процесс коммуникации, выстраиваемый в рамках

внутренней речи, происходит в рамках единого сознания. Любая речь в силу социальной составляющей всегда предусматривает взаимодействие и направлена на адресата (18).

Следовательно, в работе рассматриваются и экстерииоризированные, и интерииоризированные речевые взаимодействия.

Типы дискурсов систематизированы в условном порядке, необходимом для удобства представления результатов исследования. Выделенные типы дискурса обладают особенностями, в различных комбинациях отражающимися в дискурсивных практиках романа.

Художественно-поэтический дискурс является коммуникативным актом, целью которого является воздействие на реципиента через контакт с его духовно-эстетическим пространством (1, с. 143). Духовное пространство понимается как «совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний и т.д.» (21, с. 90).

Религиозно-философский дискурс отличается от художественно-поэтического предметом говорения: мир интерпретируется как уже сотворённый концепт в его универсальной перспективе (40). Конститутивность порождает стремление религиозно-философского дискурса к завершающей формуле построения (62). Религиозно-философский дискурс формирует категориальные представления о мире при помощи координат, в качестве которых выступают обобщённые понятия — категории, или концепты (40).

Социально-исторический дискурс всеобъемлющ в аспекте определения природы объектов своего исследования — физической, биологической, психической, социокультурной и т.д. Отличительными признаками являются наличие элемента анализа и аксиологическая составляющая: лакуны истории восполняются при помощи существующих исторических фактов с учётом потребностей настоящего времени (42).

Любовный дискурс, или дискурс любви (17) вследствие наличия большого количества сценариев проявления романтических чувств может

включать в себя ряд различных языковых явлений. Дискурс любви входит в область социального дискурса. Любовный дискурс отличается соединением факта вербально выраженной или интериоризированной оценки как минимум одним из коммуникантов ряда качеств объекта чувства. Вследствие данной особенности любовный дискурс характеризуется (помимо фиксированной темы — романтического влечения) выраженным фактом проявляемых чувств и эмоций, субъективностью оценок и демонстративностью (69).

Ряд дискурсивных практик романа отличается преобладанием черт определённого типа дискурса, иные в равных пропорциях включают в себя черты нескольких типов. Следует отметить, что анализируемые дискурсивные практики за некоторыми указанными исключениями большей частью личностно-ориентированы и носят бытийный характер.

Представленные типы дискурса отличаются собственными миропониманием и концептом человека. Художественно-поэтический дискурс сфокусирован на эстетике, рассматривая человека как творца или как эстетический объект. Религиозно-философский тип дискурса отличает доминирующая роль морально-этического элемента. Социально-исторический дискурс рассматривает мир как череду событий, а человека — как творца событий или как обобщённую массу. В рамках любовного дискурса концепты мира и человека базируются на социальных отношениях конкретных людей или обобщённых образов. Представленные особенности понимания концептов мира и человека находят отражение в дискурсивных практиках романа.

В связи описанными особенностями каждый из типов дискурса обладает соответствующим рядом аксиологем. Аксиологема определяется как «разноуровневое языковое средство, вербализующие культурноспецифические ценностные категории» (31). Аксиологемы условно можно поделить на концептуальные и частные. Концептуальной аксиологемой считается совокупность ряда ценностей в общем понимании.

Частная аксиологема — реализация концептуальной аксиологеми в речемыслительной деятельности определённого лица.

Анализируются наиболее значительные дискурсивные практики романа: взаимодействия на тему искусства мистера Скоугана и Дэниса Стоуна; Энн Уимбуш и Дэниса Стоуна; мистера Барбекью-Смита и Дэниса Стоуна; религиозно-философские дискурсивные практики Присциллы Уимбуш и Дэниса Стоуна; пастора Бодиэма; социально-исторический дискурсивные практики Генри Уимбуша; мистера Скоугана и Дэниса Стоуна; дискурсивные практики о любовных взаимоотношениях протекающие между Мэри Брейсгёрдл и Энн Уимбуш; Дэнисом Стоуном и Мэри Брейсгёрдл; мистером Скоуганом и остальными обитателями усадьбы; Энн Уимбуш и Дэнисом, Энн Уимбуш и Гомбо.

Художественно-поэтический дискурс часто встречается в романе. Яркими примерами являются коммуникативные взаимодействия между мистером Скоуганом и Дэнисом, а также между Энн и Дэнисом.

Дискурс об искусстве часто происходит между мистером Скоуганом и Дэнисом Стоуном. В третьей главе романа мистер Скоуган, вмешавшись в беседу Мэри и Дэниса, вовлекает Дэниса в нравоучительно-обличающий разговор. Структура дискурса содержит три тура — тематические единицы дискурса: мистер Скоуган уточняет жанровые предпочтения Дэниса; мистер Скоуган предугадывает сюжет романа Дэниса; мистер Скоуган обличает современные литературные тенденции.

Роли коммуникантов неравноправны: мистер Скоуган занимает доминирующую роль, а Дэнис — пассивную. Это подтверждается разницей в стиле общения между коммуникантами: мистер Скоуган позволяет себе снисходительность в адрес Дэниса («MurpoorDenis!»). Разница в объёме реплик коммуникантов с течением разговора растёт: от первого тура, где реплики равны по объёму, до остальных, где Дэнис имеет одну реплику из двух простых предложений в противовес монологической речи мистера Скоугана. Дэнис, пытаясь защититься, вежлив в своих высказываниях, а речь

Скоугана, напротив, изобилует негативно окрашенными эпитетами («uninteresting», «boring», «unreadable» и т.д.). Таким образом, данная дискурсивная практика представляет собой диалог: один из двух неравноправных партнёров в ходе разговора занимает роль обличителя, второй — обличаемого. Лексико-грамматические средства поддерживают форму дискурса: предложения продуцента-обличителя отличаются большей сложностью и распространённостью, а лексика содержит негативно окрашенные эпитеты.

В двадцатой главе стихотворение Айвора Ломбарда является катализатором беседы о поиске верного слова. В речевой практике два тура: взаимодействие со стихотворением и рассказ Дэниса Стоуна об ошибочной интерпретации понятия. Роли продуцента и реципиента меняются: теперь в качестве последнего выступает мистер Скоуган. Постепенное приобретение ведущей роли Дэниса отражается в разнице объёмов реплик коммуникантов: в первом туре реплики мистера Скоугана незначительно преобладают в объёме, во втором туре реплики Дэниса гораздо объёмнее реплик Скоугана.

Различное отношение коммуникантов к беседе выражается эксплицитно и имплицитно. Воодушевление Дэниса отражается в его речи обилием используемых средств художественной выразительности (метафора «*sensationofinternalwarmth*», эпитеты «*goldenliquor, fierceandfiery*», сравнение «*likecarnivalandcarnation*»). Тематическая принадлежность дискурса выражается в используемой лексике: «*wrote*», «*poem*», «*notion*», «*elegantlysonorous*», «*expressive*», «*writing*». Имплицитно охваченность Дэниса темой беседы выражается через наречия при глаголе, характеризующем реплику, например «*lingeringlovinglyoverthesyllables*».

Мистер Скоуган в процессе беседы теряет интерес, что эксплицитно выражается в повтором фразы «*Docometothepoint*» и переходе от иронии к сарказму по отношению к продуценту. Возрастающее недовольство реципиента также проявляется и имплицитно: в речевых глаголах и характеризующих их наречиях («*protested*»; «*alittleimpatiently*»).

Данная дискурсивная практика по форме относится к диалогу, по типу — к беседе. Тон разговора одинаков на эксплицитном и имплицитном уровне, и меняется из-за утомлённости беседой одним из неравноправных партнёров. Лексико-грамматические средства поддерживают тему дискурса: продуцент, оказавшись в родной стихии, использует богатый спектр средств художественной выразительности. Художественный дискурс между Дэнисом и мистером Скоуганом реализуется на лексическом и синтаксическом уровнях языка. Смена ролей коммуникантов отражается в объёме их реплик.

Речевое взаимодействие между Энн Уимбуш и Дэнисом Стоуном в 4 главе романа относится к художественно-поэтическому дискурсу. В процессе прогулки по саду происходит обмен художественными восприятиями в форме беседы. Структурно данная речевая практика содержит три тура: обмен впечатлениями о саде; рассуждение Дэниса о связи образования и жизни; демонстрация степени серьёзности мировосприятия коммуникантами.

На эксплицитном уровне коммуниканты равноправны: количество реплик приблизительно одинаково, беседа диалогична за счёт появляющихся в речи Энн вопросительных конструкций, адресованных Дэнису («Lookatthesesunflowers! Aren't they magnificent?»; «But does one suffer about these things?» ит.д.). Имплицитная снисходительность Энн выражается как в её обращении к Дэнису («MypoorDenis!»), так и во внутренней оценке Дэниса, не связанной с его рассуждениями («Hewasa niceboy...»). В речи Энн преобладают вопросительные конструкции с последующим комментарием в форме простого предложения, утвердительного по цели высказывания («Butdoesonesufferaboutthesethings? It seems very extraordinary»; «Why can't you just take things for granted and as they come?» she asked. «It's so much simpler»).

Искренний интерес Дэниса отражается на лексическом уровне беседы в обилии конструируемых им средств художественной выразительности (развёрнутая метафора «Dark faces and golden crowns—they're kings of

Ethiopia»; эпитеты «loutish birds», «bring them out triumphantly»; сравнение «like passing from a cloister into an Oriental palace»).

Дискурсивная практика по форме относится к диалогу, по типу — к беседе. Тон разговора одинаков на эксплицитном и имплицитном уровне. Роли и статус коммуникантов меняются в процессе беседы: Энн, являясь реципиентом, за счёт формулируемых ей вопросов оказывается доминантным коммуникантом, а Дэнис, не смотря на статус продуцента, пребывает в пассивной роли, отвечая на вопросы Энн. Принадлежность к художественному дискурсу определяется используемыми лексическими группами («quoting», «author», «phrase», «books», «alittlestory») и рядом средств художественной выразительности, используемым в эстетических целях.

Связь с искусством можно отметить в речевом взаимодействии мистера Барбекью-Смита и Дэниса. В 6 главе романа мистер Барбекью-Смит делится с Дэнисом способами достижения успеха. Между персонажами происходит диалог, жанрово определяемый как разговор с элементами наставления.

Структура содержит шесть тематических единиц: уточнение области интересов Дэниса и объёма его работ; сравнение объёмов работ; совет Дэнису; демонстрация успеха; демонстрация алгоритма выполнения действий; демонстрация результатов следования алгоритму.

Неравноправие коммуникантов определяется разницей их возраста и профессионального успеха. Мистер Барбекью-Смит является продуцентом, что отражается в количестве его реплик: 33 реплики (у Дэниса 17 реплик). Реплики продуцента содержат большее количество предложений, чем реплики реципиента.

Наедине с Дэнисом Барбекью-Смит меняется («suddenly became extremely confidential»), его искренний интерес демонстрируется эмоциональностью речи и активной жестикуляцией, когда тон Дэниса сух и безэмоционален. Большая заинтересованность продуцента также отражается в преобладании вопросительных предложений в репликах (8 против 4 у

Дэниса). Оттенок наставления создаётся категоричностью речи продуцента, выражаемую исключаящими модальность возможности формами глагола («Listentome»; «I'llhelpyououtofindyourInspiration»). В противоположность продуценту, реципиент имплицитно не вовлечён в разговор. Отчуждение выражается во внутренней репликации («Deniswonderediftherewasany method...bywhichhecoulddissociatehimselffromMr. Barbecue-Smith's "we"»). Имплицитная отчуждённость постепенно становится эксплицитной: реплики Дэниса сокращаются в объёме, становясь конситуативно неполными.

Несмотря на неравноправие коммуникантов, дискурс по форме является диалогом, а по типу представляет собой доверительный разговор с элементами наставления. Коммуниканты занимают в диалоге равные позиции (что выражается в соразмерности их реплик) в первых трёх турах. Со смещением в область профессиональной деятельности проявляется неравноправие коммуникантов.

Лексические особенности относят дискурс к области, смежной между областями искусства и карьеры («towrite», «words», «writing», «Inspiration», «writer», «work»). Можно заключить, что мистер Барбекью-Смит включён в дискурс с позиции профессионала, тогда как Дэнис — с позиции творца. Несовместимость данных позиций порождает отсутствие у реципиента интереса к разговору.

Представленные речевые практики относятся к художественно-поэтическому дискурсу, что подтверждается тематизированностью лексики коммуникантов. В рамках данного типа дискурса в речи персонажей выделяются такие концептуальные аксиологемы, как «Art» и «Artist», которые употребляются на страницах романа в контексте художественно-поэтического типа дискурса 4 и 11 раз соответственно. Концептуальная аксиологема «Art» сочетается Дэнисом Стоуном с такими аксиологемами, как «process», «beauty» и «pleasure» и употребляется с целью выражения собственного мнения, реализуясь на мотивационном уровне. В речи мистера

Скоугана «Art» сочетается с аксиологемами «craft» и «work», реализуясь на мотивационном уровне, что следует из желания персонажа дать аргументированную оценку Крому. Аксиологема «Artist» так же реализуется в речи мистера Скоугана на мотивационном уровне: употребление аксиологемы вместе с аксиологемами «man», «aesthetics», и «people» преследует цель выразить своё мнение. Мистер Барбекью-Смит употребляет данную аксиологему с той же целью: в его речи аксиологема «Artist» сопряжена с аксиологемой «intellectuals» и употребляется во множественном числе, что свидетельствует о персонализации аксиологемы в сознании персонажа. Следовательно, концептуальные аксиологемы «Art» и «Artist» реализуются в художественно-поэтическом дискурсе на мотивационном уровне использующих их языковых личностей.

Таким образом, представленные речевые практики относятся к художественно-поэтическому дискурсу, представляя эстетику мира при помощи ряда средств художественной выразительности. Человек в рамках художественно-поэтического дискурса рассматривается в связи с эстетическим мироощущением или уровнем творческой компетентности.

Религиозно-философский дискурс включает в себя речевые практики, объединённые темой определения миропорядка духовной жизни. Вторая глава романа демонстрирует беседу Присциллы Уимбуш и Дэниса. Прибыв в усадьбу, Дэнис отправляется на поиски её обитателей. Первой он встречает Присциллу Уимбуш, хозяйку усадьбы, погружённую в своё увлечение — составление гороскопов. Поприветствовав Дэниса, Присцилла сразу задаёт направление беседы: астрология. Беседа содержит пять туров: дежурный обмен приветствиями; демонстрация Присциллой достигнутого при помощи увлечения успеха; демонстрация верований Присциллы; обращение к творчеству Барбекью-Смита; сплетни Присциллы.

Коммуниканты неравноправны: хозяйка является продуцентом, гость — реципиентом. Данная особенность подчёркивается преобладанием реплик Присциллы в количестве и объёме: 17 реплик, в состав которых входит 53

предложения, тогда как Дэнису принадлежат около 5 реплик, в состав которых входит 6 предложений.

В речи Присциллы преобладают частные аксиологемы («Stars», «OldDays», «Infinite»). Личное местоимение «I» встречается 17 раз, «You» — 11 раз, «We» — 1 раз, что свидетельствует об эгоцентризме продуцента, что также подтверждается недобровольностью передачи ходов — Присцилла перебивает Дэниса на первом этапе. Реплики Присциллы состоят из утвердительных или риторически вопросительных конструкций. Эксплицитно Дэнис показывает недовольство лишь интонационно («he replied, stillfrigidandmono-syllabic»), имплицитно выражая его в форме иронии во внутренней речи («Mrs. Wimbush'squestionhadbeenwhatthegrammarianscallrhetorical; itaskedfornoanswer»), а также в ассоциациях с образом Присциллы (пародия на оперную певицу), что дважды отмечается Дэнисом во внутренней речи.

Дискурс имеет форму диалога и представляет собой беседу. Эксплицитно тон беседы доверительный, однако имплицитно реципиент не воспринимает всерьёз продуцента, а продуцент не заинтересован в конкретном реципиенте: Присцилле необходим факт слушателя, нежели сам слушатель. Тема лексики беседы относится к области оккультизма: «horoscopes», «Stars», «spirits», «Aura». Однако, лексика третьего тура указывает на религиозно-философский характер беседы: «believe», «faith», «Infinite», «ChristianMysteries». Беседа между Дэнисом Стоуном и Присциллой Уибуш являет собой религиозно-философский дискурс, в ходе которого продуцентом демонстрируются категориальные представления о мире, выраженные рядом аксиологем.

Религиозно-философский дискурс отражён в 9 главе романа. Данная речевая практика находится в поле институционального дискурса: продуцент является пастором. Погрузившись в рефлексивность, он анализирует себя с профессиональной точки зрения. Во внутренней речи продуцент не обращается напрямую к абстрактному реципиенту, но обилие

риторических

конструкций

(«Didtheyrealisewhattheywereaskingtobebroughtnearerto?»; «whatwerefouryears, afterall?»; «Andnow?» и т.д.) указывает на существование абстрактного реципиента в сознании Бодиэма.

Структура дискурса состоит из трёх туров: констатация отсутствия у паствы должной эмоциональной реакции; чтение пастором текста проповеди; оценка доводов проповеди; анализ событий в мире.

Следует отметить, что приведённый текст проповеди может выступать в качестве отдельной речевой практики, которая относится к институциональному религиозно-философскому дискурсу. В данном случае адресат конкретизирован — это массовый слушатель. Проповедь включает пять туров: вступление, тезис, аргументы, подведение итогов и вывод. Вследствие концентрации на структурной организации излагаемых положений проповедь приобретает сходство с лекцией.

Принадлежность к религиозно-философскому дискурсу подтверждается используемой лексикой, тогда как синтаксис предложений создаёт сходство с педагогической рефлексией в одном случае и лекцией в другом. Проповедь и самоанализ пастора обладают схожей структурой и содержат присущие религиозно-философскому дискурсу аксиологемы: «Popery», «Christ», «hope», «Lord», «Armageddon», «God».

Таким образом, в рамках религиозно-философского дискурса мир трактуется персонажами в соответствии с морально-этическими взглядами. В рамках воззрений пастора Бодиэма и Присциллы человек является объектом.

Конецептуальная аксиологема «Faith» употребляется на страницах романа в контексте религиозно-философского дискурса 3 раза. «Faith» в частных случаях реализуется в связи с аксиологемой «Stars» (употребляется 5 раз) в речи Присциллы Уимбуш и аксиологемой «Morality» (употребляется 4 раза) в речи пастора Бодиэма. Данная концептуальная аксиологема отражается в речи Присциллы Уимбуш на когнитивном уровне, что обусловлено отхождением от стереотипического понимания

аксиологемы. Стереотипическое понимание встречается в речи пастора Бодизма, реализуясь в речи персонажа на вербально-семантическом уровне. В свою очередь, аксиологемы «Stars» и «Morality» реализуются на когнитивном и вербально-семантическом уровнях соответственно, что позволяет определить реализации языковых личностей персонажей на соответствующих уровнях.

Религиозно-философский дискурс выражен как через личностно-ориентированную коммуникацию, так и институционально. В речевых практиках данного типа дискурса присутствуют категории, формирующие представление о вере. Религиозно-философский дискурс проявляется разнообразными способами и содержит элементы иных типов дискурса.

Социально-исторический дискурс включает речевые практики, характеризующиеся наличием элемента анализа событий окружающего мира. К данному типу дискурса относятся речевые практики, где продуцентом является Генри Уимбуш. Персонаж представляет свою работу, зачитывая текстовый материал, выступающий посредником взаимодействия.

В качестве реципиента выступает конкретная группа слушателей: обитатели усадьбы Жёлтый Кром. Продуцент не требует от массового реципиента выраженной вербальной оценки преподносимого им материала. Продуцент занимает доминирующую позицию по отношению к массовому реципиенту.

Речевая практика распространяется на 13 и 19 главы. Структура 13 главы состоит из двух туров: организационного момента и передачи материала работы; структура 19 главы состоит из пяти туров: выбор материала для чтения, предисловие, организационный момент, акт чтения, краткий итог. Представление материала занимает в структуре наибольшее место, являясь доминантой речевой практики.

Речь Генри Уимбуша монотонна («serenelywithoutexpression») и представляет собой рассказ о прежних владельцах усадьбы, следующий непрерывным полотном. Реципиенты добровольно предоставляют

главенствующее положение продуценту и не перебивают его в процессе чтения. Интерес реципиентов к материалу выражается вербально («Butyoumustreadsomething», «Wearelistening» и т.д.).

Речевую практику по форме условно можно назвать диалогом: первые туры содержат краткие реплики реципиентов о материале, последующие туры представляют собой монолог продуцента. По типу практика является лекцией, где в роли лектора выступает продуцент, а в роли слушателей — реципиенты. Нейтральный тон повествования также указывает на принадлежность к данному типу.

Лексико-грамматические аспекты речевой практики позволяют отнести её к социально-историческому дискурсу. На морфологическом уровне языка следует отметить употребляемое продуцентом время повествования (Past Simple). Лексический уровень представлен рядом имен собственных, представляющих исторические лица: семейства Лапитов и Уимбушей. Присущий данному типу дискурса оттенок оценочности проявляется в характеристике исторического лица («Mypoorgrandfather»). Выявленные особенности (концентрация на исторических событиях, наличие исторических персоналий, категория оценочности) подтверждают принадлежность речевой практики к социально-историческому дискурсу.

Интересна речевое взаимодействие Дэниса Стоуна и мистера Скоугана в 22 главе романа. Общение начинается со встречи коммуникантов в холле усадьбы и представляет собой беседу с элементами проповеди. Неравноправие коммуникантов сразу обозначается характеристикой в форме развёрнутого сравнения, данной продуценту реципиентом во внутренней речи («Mr. Scogan'seyeglitteredliketheeyeof theAncientMariner»). Мистер Скоуган, напротив, выражает заинтересованность в коммуникативном взаимодействии с реципиентом («themanseemedtobelyinginwait»).

Структурно развёртывающийся дискурс состоит из четырёх туров: установка продуцентом контакта с реципиентом; определение продуцентом темы речи; установление продуцентом проблемы и ряда примеров,

подтверждающих её наличие; дискурс коммуникантов о необходимости власти; предложение продуцентом системы функционирования человеческого общества и определение места реципиента в нём.

Продуцентом является мистер Скоуган, он и задаёт тему дискурсивной практики. Употребляемые им лексические единицы «saneworld», «madmen», «human», «theworld», «sanity», «insanity», «power» объединены единой темой «powerofthesanity». Исследуя заявленную проблему, продуцент анализирует и оценивает деятельность исторических лиц. Оценка выражается при помощи метафоры, включающей всебяэпитет («a new virtuoso performing on that elegant and resourceful instrument, the intellect»). На следующем этапе в лексике продуцента появляются самостоятельно выведенные им определения (категории) для нового порядка («RationalState») и классов общества («theDirectingIntelligences, theMenofFaith, andtheHerd»), используются глаголы в форме простого будущего времени. На всех этапах беседы речь продуцента утвердительно, модальность возможности отсутствует, по структуре речь продуцента сходна с религиозной проповедью. Представление будущего продуцентом конститутивно и является универсальным концептом, состоящим из определённых категорий.

Реципиент пассивен на первых этапах речевой практики, рефлексивно параллельно с рассуждениями продуцента. В последующих турах активность реципиента возрастает: реплики реципиента совпадают с темой речевой практики («ButIdon'twantpower»). На четвёртом туре беседы реципиент задаёт продуценту вопросы по теме беседы, используя понятия сформированные продуцентом («Howmanyspecieswilltherebe?» и «AndwhatwillbemyplaceintheRationalState?»).

Анализируемая речевая практика по форме относится к диалогу, по типу определяется как беседа. Тон беседы носит оттенок проповеди, что указывает на наличие элементов, присущих религиозно-философскому дискурсу, среди которых также есть наличие определённых категорий окружающего мира, универсальность структуры мира, конститутивность

построения речи, выражающаяся в речи продуцента через морфологию и синтаксис. Тема беседы и факт оценки представляемых событий относят речевую практику к социально-историческому дискурсу. Таким образом, беседа комбинирует элементы двух типов дискурса: социально-исторического и религиозно-философского.

Социально-исторический дискурс на страницах романа проявляется в личностно-ориентированных взаимодействиях. Реципиент конкретизирован, однако может быть массовым или единичным. Коммуникация реципиента и продуцента может происходить непосредственно и опосредованно. Социально-исторический дискурс может включать в себя черты иных типов дискурса, однако, все представленные дискурсивные практики демонстрируют набор схожих черт, определяющих их принадлежность к социально-историческому типу дискурса. Концепт мира в рамках социально-исторического типа дискурса включает в себя осознание окружающего пространства как цепи исторических событий, на которые отсылаются коммуниканты. Аксиологема «World» в контексте социально-исторического дискурса встречается на протяжении романа 2 раза в речи Генри Уимбуша и 18 раз в речи мистера Скоугана. Генри Уимбуш, употребляя данную аксиологему в сочетании с аксиологемами «book» и «present», пользуется стандартными сочетаниями: аксиологема реализуется на вербально-семантическом уровне языковой личности персонажа. Мистер Скоуган сочетает аксиологему нестандартным образом (с «eccentricity», «horror», «madness» и др.), следовательно, аксиологема реализуется на мотивационном уровне его языковой личности. Таким образом, концептуальная аксиологема «World» в рамках социально-исторического дискурса реализуется в романе на различных уровнях языковых личностей персонажей.

Любовный дискурс в романе условно делится на две группы: отвлечённый любовный дискурс (объект дискурса не является участником коммуникации) и конкретизированный любовный дискурс (минимум один из

коммуникантов является объектом эмоциональной привязанности другого). К первой группе можно отнести дискурсивные практики 7, 24, 15 и 19 глав, вторая группа включает в себя дискурсивные практики 17 и 21 глав.

Беседа Энн и Мэри о поиске романтического партнёра в 7 главе относится к любовному дискурсу отвлечённого характера. Структурно выделяется 3 тура: оценка выбранной Энн книги; представление Мэри своей проблемы; обсуждение вариантов решения проблемы.

Коммуниканты беседы равноправны, передачи ролей происходят естественным и добровольным образом. Мэри Брейсгёрдл, условный продуцент, задаёт тему дискурса: «It isn't <...> at all easy to find the right person». Поведение Мэри демонстративно: для принятия решения ей необходим фактор реципиента нежели сам реципиент. Продуцент субъективен во оценке возможных партнёров, которая выражается вербально («Gombauld has more talent...but he is less civilised than Denis»; «Denis is altogether serious-minded, whether he isn't rather a dilettante» ит.д). Энн Уимбуш, условный реципиент, управляет течением беседы, комментируя слова Мэри (««Or, rather, about getting rid of repressions»») или задавая вопросы по тем беседы («But what about them?»), оказываясь фактически в доминирующей позиции. Фактор отвлечённости обусловлен отсутствием объектов беседы в числе коммуникантов.

По форме речевая практика является диалогом, по типу — дружеской беседой, имеющей доверительный тон. Принадлежность данной беседы любовному дискурсу определяется фиксированной темой, наличием субъективной оценки объекта чувства и демонстративностью поведения продуцента. Тема беседы поддерживается на лексическом уровне: «instincts», «sex», «old maids», «marriage», «love».

Речевые практики 24 и 15 глав романа также относятся к любовному дискурсу. В 24 главе Дэнис Стоун и Мэри Брейсгёрдл беседуют о связи человека и его окружения. Структурно дискурс представлен 4 турами: обмен приветствиями; объяснение причин состояния Мэри; обмен коммуникантов

умозаключениями о связи человека и его окружения; конкретизация проблемы одним из коммуникантов. Коммуниканты равноправны: количество их реплик и их объём приблизительно равны.

Дэниси Мэри общаются схожим образом, используя сложноподчинённые предложения и стилистически тяжёлую лексику (реплика Дэниса «There are times when he comes into contact with other individuals, when he is forced to take cognisance of the existence of other universes besides himself» и реплика Мэри «When one individual comes into intimate contact with another, she—or he, of course, as the case may be — must almost inevitably receive or inflict suffering»). Это дистанцирует их от обсуждаемой темы, о чём свидетельствует и употребляемые существительные («individual», «individuals», «universes», «personality»), универсализирующие проблему. Коммуниканты понимают мир как уже сотворённый концепт в его универсальной перспективе: преобладание утвердительных предложений в речи коммуникантов подчёркивает конститутивность представления. Данная особенность анализируемой речевой практики свидетельствует о сочетании присущих философскому дискурсу черт с элементами любовного дискурса.

Представленная особенность проявляется в 15 главе, где происходит беседа с элементами спора персонажей в библиотеке. Структура практики состоит из четырёх туров: установление темы; выявление особенностей объекта обсуждения; обращение к точке зрения иного коммуниканта. В речевой практике выделяются активные и пассивные коммуниканты. В качестве активных коммуникантов выступают мистер Скоуган, Мэри, Энн и, позднее, Айвор Ломбард. Пассивными коммуникантами являются остальные персонажи, чья речь не отражена в данной практике. Тему речевой практики задаёт мистер Скоуган, сперва рассказывая анекдот о нравах былых эпох в качестве примера к своему рассуждению о концепте нравственности. Далее выявляются особенности концепта Любви. Мистер Скоуган уточняет мнение Айвора Ломбарда, на чём беседа завершается. Среди активных

коммуникантов есть реципиенты и продуценты. В качестве реципиентов выступают Мэри и Энн, в качестве продуцентов — мистер Скоуган, а также Айвор Ломбард.

Коммуниканты равноправны: каждый из них свободно отстаивает свою точку зрения. Речь мистера Скоугана состоит из утвердительных предложений, характеризуется конститутивностью и стремлением к завершающей форме построения («Amouristheonehumanactivityofanyimportanceinwhichlaughterandpleasurepreponderate, ifeversoslightly, overmiseryandpain»). Мистер Скоуган использует анекдот, представляя свою точку зрения, на что Энн реагирует открытым сарказмом («Doyoupropose...thatthecustomshouldberevivedatBuckinghamPalace?»). Мэри искренна в своих эмоциях («panted with excitement») и ссылается на точку зрения авторитетного лица. Айвор, напротив, опирается на личный опыт: вместо универсализирующих существительных («human», «men», «women» и т.д.) используется личное местоимение 1 лица единственного числа «I». Субъективная оценка действительности выражается в лексике Айвора эмоционально окрашенными лексическими единицами: наречие («Womenarealwayswonderfullythesame») и местоимение («Buttheirsentimentsare alwaysthesame»).

По форме речевая практика является полилогом, по типу — беседой с элементами спора, что подтверждается тоном речевой практики: поднятая тема мотивирует героев активно отстаивать свою точку зрения. Первый этап дискурса содержит элемент анализа исторических событий: на примере представленного анекдота анализируется движение границ нравственности в исторической перспективе. Факт наличия анекдота придаёт элемент оценочности данному туру. Лексико-грамматический состав речевой практики характеризуется преобладанием утвердительных предложений и тематически ориентированной лексикой. Тема формируется аксиологемами «customs», «Amour» и «sex».

Таким образом, в речевой практике присутствуют черты социально-исторического, религиозно-философского и любовного дискурсов. Анализ и оценка исторических событий вместе сочетается с конституитивностью представлений универсальной картины мира и темой беседы, определённой аксиологемой («Amour»). Также к любовному дискурсу относятся такие черты, как субъективность и эмоциональностью оценок.

Конкретизированный любовный дискурс ярко представлен в общении Дэниса и Энн в 17 главе, а также Энн и Гомбо в 21 главе.

Речевая практика Дэниса и Энн обусловлена неудачным падением Энн, из-за чего Дэнис бросается ей на помощь. Начинается спор, где выделяются 3 тура: уточнение состояния Энн; проявление Дэнисом любовного чувства и отказ Энн; завершение взаимодействия Энн. Второй тур содержит элементы любовного дискурса.

Коммуниканты равноправны: количество реплик равно в числе и объёме, смена ролей продуцент-реципиент происходит добровольно. Однако, Дэнис и Энн находятся в состоянии оппозиции: Дэнис активно демонстрирует свои чувства (действия характеризуются глаголом «tokiss»), Энн противостоит ему. Встретив отказ, Дэнис задаёт Энн вопросы, пытаясь узнать причину, а Энн вынуждена отвечать на них. Далее Энн, желая завершить спор, смещает диспозиции в сторону своей травмы («Imustgo in andgetmy**ankle**intohotwater. It's**beginning**toswell»).

Экспрессивность чувств Дэниса выражается сперва во внутренней репликации героя средствами художественной выразительности (аллегория «Yes, decidedly, hefelthimselftobetheshpherdnow», развёрнутая метафора и сравнение «A waveofcourageswelledthroughhim, warmaswine»). Экспрессивная оценка отказу Энн проявляется в вербализированной речи Дэниса через экспрессивную лексику и восклицание: «Bosh!».

По форме речевая практика является диалогом, по типу относится к спору, на что указывает и её тон — эмоциональный с негативным оттенком. Отличительная особенность спора — отсутствие в речи

коммуникантов лексики, присущей любовному дискурсу. Отказывая Дэнису, Энн замещает обозначает романтические отношения личным местоимением 3 лица единственного числа «it»: «*It spoils our friendship, and that was so jolly*»; «*Can't you see it isn't... it isn't our stunt at all*». Дэнис также не конкретизирует свои чувства, используя конструкции Энн: «*Why isn't it our stunt?*». Принадлежность к любовному дискурсу определяется контекстом ситуации («*He turned his head, and began to kiss her face, at first rather randomly, then, with more precision, on the mouth*»). Следовательно, спор относится к конкретизированному любовному дискурсу из-за его тематической ориентированности, выраженного факта проявляемых Дэнисом чувств, субъективности оценок и демонстративности поведения героев.

Большей эмоциональностью отличается речевое взаимодействие Энн Уимбуш и Гомбо: спор персонажей переходит в ссору. Структурно взаимодействие делится на 4 тура: взаимооценивание поведения коммуникантов; выдвигание взаимных обвинений; вербализация Энн своей картины обобщенного образа мужчин и её экстраполяция на Гомбо; демонстрация Гомбо примера легкомысленного поведения Энн.

Коммуниканты Энн и Гомбо на первых этапах дискурсивной практики равноправны, далее между ними происходит борьба за главенствующую роль в споре. Энн перехватывает ведущую роль, увеличивая свои реплики в объёме: несколько распространённых предложений Энн противопоставлены реплике Гомбо, представленной нечленимым предложением («*Thanks*»). Гомбо захватывает ведущую роль в споре с помощью риторического вопроса («*Why can't you leave that wretched young man in peace?*»). Защищаясь, Энн использует утвердительное предложение, подчёркивая отрицание при помощи обстоятельства, выраженного наречием («*It's perfectly untrue about Denis*»). Затем Энн захватывает ведущую роль, используя утвердительное предложение: «*You've become very protective towards poor Denis all of a sudden*». Данное предложение содержит элемент оценки в адрес реципиента

(You've become very protective) и элемент иронии («allofasudden»). С завершением спора Энн сохраняет свои позиции, произнося заключительную реплику, выраженную утвердительным предложением («I admire your sentiments and, believe me, I share them»).

По форме речевая практика является диалогом, по типу — спором с элементами ссоры, что поддерживается тоном практики, содержащим негативные комментарии коммуникантов в адрес друг друга. Лексико-грамматический состав речевой практики позволяет отнести её к любовному дискурсу: используется соответствующая тема лексики (существительные «love», «amusement», «emotions», «admire»). Тип речевой практики поддерживается лексическими единицами с негативной коннотацией (глаголы «lures», «invites», «fascinates», «falls»), и эмоциональной окраской речи коммуникантов: используются восклицательные предложения, экспрессивно окрашенная лексика («Damn you!»), коммуникантами вербально оцениваются личностные качества друг друга («You're awful» Гомбо и «I'm a total s---t know whether you're more silly or more rude» Энн), что показывает демонстративность поведения коммуникантов.

Таким образом, дискурсивная практика обладает следующими чертами, соответствующими любовному дискурсу: вербальная оценка коммуникантами качеств друг друга, фиксированная тематическая направленность дискурса (романтическое влечение), экспрессивность проявляемых чувств и эмоций, субъективность оценок и демонстративность. Дискурсивная практика содержит аксиологемы, представляющие обобщённую картину мира: в третьем туре Энн, характеризуя Гомбо, использует аксиологемы «woman» и «man», универсализируя отношения с реципиентом. Эффект усиливается при помощи наречия «always» и лексической конструкции «the same old story». Это наделяет данный тур дискурсивной практики чертами философского дискурса. Коммуниканты демонстрируют концептуальное понимание мира как сферы человеческих отношений, где человек может выступать субъектом и объектом любовного

чувства. Это выражается в эмоционально-экспрессивной оценочности лексики коммуникантов.

Рассмотренные выше дискурсивные практики демонстрируют разветвление на отвлечённый любовный дискурс и конкретизированный любовный дискурс, различающиеся степенью вовлечённости коммуникантов, но объединенные единой темой, что подтверждается используемыми аксиологемами. «Love» — главная концептуальная аксиологема, встречающаяся в контексте любовного дискурса в 16 раз в речи таких персонажей, как Энн Уимбуш, Мэри Брейсгёрдл, Гомбо и Дэниса Стоуна. В речи Энн данная аксиологема сопровождается аксиологемой «relationship» и употребляется в стандартном значении. Как и Энн, в стандартном значении данную аксиологему употребляют Мэри (в связке с аксиологемами «marriage» и «misery») и Гомбо (в связке с аксиологемой «amusement»). Если аксиологема «Love» реализуется в речи перечисленных персонажей на вербально-семантическом уровне, то Дэнис, связывая «Love» с «accidie» («душевная апатия» позд. лат. из греч.), формирует оксюморон. Создание своих собственных формул при помощи базового состава языков позволяет говорить о реализации данной аксиологемы на лингво-когнитивном уровне языковой личности Дэниса. Следовательно, реализация аксиологемы «Love» в контексте любовного дискурса происходит на различных уровнях языковых личностей коммуникантов.

Итак, в данной главе выделены четыре направления дискурса, в область которых условно можно отнести представленные в романе дискурсивные практики: художественно-поэтический, социально-исторический, религиозно-философский и любовный.

В процессе художественно-поэтического дискурса осуществляется воздействие на мировоззрение и мироощущение реципиента, составляющие его духовное пространство. Религиозно-философский дискурс в конститутивной форме демонстрирует универсализированную картину мира, сформированную концептами — категориальными представлениями о

мире и человеке. Социально-исторический дискурс содержит элемент анализа исторических событий и элемент субъективности при их представлении. Любовный дискурс оценочен и отличается демонстративностью, сконцентрирован на романтических чувствах.

Перечисленные типы дискурсов представлены в романе различными способами: как речевыми практиками персонажей в форме диалогов, монологов и полилогов во внешней речи, так и во внутренней речи в форме монологов, диалогов и внутренним реплицированием.

Для анализа было отобрано 12 наиболее значительных дискурсивных практик. Анализируемые дискурсивные практики за некоторыми исключениями, отмеченными в процессе анализа, личностно-ориентированы и носят бытийный характер. Ряд практик отличается преобладанием черт определённого типа дискурса, иные в равных пропорциях включают в себя черты нескольких типов. Художественно-поэтический дискурс отражается в речи коммуникантов через тематическую направленность лексики и различные синтаксические средства. В речи коммуникантов различными средствами художественной выразительности выражается духовное пространство, влияющее на художественное восприятие реципиента. Заметно преобладание используемых средств художественной выразительности (13 против 4 в религиозно-философском, 5 — в социально-историческом и 4 — в любовном дискурсах). Художественно-поэтический дискурс в некоторых случаях содержит черты иных типов дискурса, например, профессионального или религиозно-философского.

Религиозно-философский дискурс проявляется в личностно-ориентированных (в бытийном взаимодействии между обитателями Жёлтого Крома) и институциональных (во внутренней монологической речи священнослужителя) дискурсивных практиках. Реципиент представлен как конкретным лицом (в случае личностно-ориентированного религиозно-философского дискурса), так и отвлечённым массовым адресатом (группой людей), а также абстрактизированным конструктом сознания продуцента.

Представленные дискурсивные практики, несмотря на различия, характеризуются наличием категорий, определяющих в сознании реципиента религиозное представление о вере.

Социально-исторический дискурс отличается включением черт иных типов дискурса. Реципиент социально-исторического дискурса среди избранных дискурсивных практик конкретизирован, может быть представлен одним персонажем или их группой. Коммуникация реципиента и продуцента непосредственной или опосредованной источником информации, с которым взаимодействуют коммуниканты. Многообразие проявлений данного дискурса также достигается при помощи различных языковых средств. Представленные дискурсивные практики демонстрируют набор схожих черт, определяющих их принадлежность к социально-историческому дискурсу.

Любовный дискурс представлен двумя сторонами: отвлечённой и конкретизированной. Отвлечённый любовный дискурс различает объект чувства и коммуникантов, которых может быть двое и более. Дискурсивные практики, отмеченные в исследовании, обладали чертами иных типов дискурса. Конкретизированный любовный дискурс отличается проявлением минимум одним из коммуникантов романтического чувства к другому. Речь коммуникантов оценочна и субъективна, их поведение экспрессивно и демонстративно. Оба подвида отличаются фиксированной темой, концентрирующейся вокруг области романтических чувств.

Анализируемые дискурсивные практики обладают большим объёмом средств выражения отличительных черт. Художественный дискурс отличается обилием средств художественной выразительности — развёрнутых метафор, эпитетов, сравнений. Религиозно-философский дискурс характеризует обилие обобщённых концептов, выраженных абстрактными существительными, что утверждает универсальность демонстрируемой картины мира. Речевые практики, отнесённые к социально-историческому дискурсу, отличаются выражением категории прошедшего времени на морфологическом уровне языка и обилием исторических

персоналий, а также фактором аксиологизации знания. Экспрессивность и субъективность любовного дискурса реализуется выраженной эмоциональной окрашенностью речи персонажей. Каждый из представленных типов дискурсов определяет концепты мира и человека в соответствии с уникальными чертами данных типов дискурса.

Выделенные типы дискурса обладают индивидуальными формой и стилем. Художественно-поэтический тип дискурса отличается преимущественно диалогической формой организации. Речь коммуникантов содержит средства художественной выразительности, используемые с эстетическими целями. Религиозно-философский дискурс использует средства художественной выразительности с целью формирования яркого образа, подтверждающего правильность морально-этических взглядов продуцента. Большинство дискурсивных практик в рамках данного типа отличается монологическим построением речи продуцента. Эта черта отличает и социально-исторический тип дискурса. В стилевом отношении данный тип дискурса обладает элементами, присущими научному стилю речи, в частности, большим количеством специализированных терминов, цитат и ссылок на различные научные труды и персоналии учёных. Любовный тип дискурса отличает диалогическая направленность и простота речи, формируемая при помощи разговорного стиля речи. То есть, каждый из представленных типов дискурса избирает форму и стиль, соответствующие его задачам и тематической направленности.

Каждый из выделенных типов дискурсов имеет доминирующую аксиологему, соответствующую его тематической направленности. Аксиологема Faith соответствует религиозно-философскому дискурсу и употребляется в его контексте 3 раза. Также данная аксиологема употребляется в рамках социально-исторического дискурса («Manof Faith»). Аксиологемы Art и Artist, соответствующие художественно-поэтическому дискурсу, употребляются в его контексте 4 и 11 раз. Аксиологема Art употребляется в рамках любовного дискурса один раз, а аксиологема Artist —

в рамках социально-исторического дискурса 2 раза. Социально-историческому дискурсу соответствует аксиологема World, употребляемая в его контексте 20 раз. Данная аксиологема также используется в коммуникативных практиках религиозно-философского (7 раз) и художественно-поэтического (6 раз) дискурсов. Любовному дискурсу соответствует аксиологема Love. В контексте данного дискурса она употребляется 16 раз. Также она встречается в рамках религиозно-философского (3 раза) и художественно-поэтического (3 раза) дискурсов. Таким образом, очевидно тематическое соответствие представленных аксиологем выделенным видам дискурса.

Вышеизложенные факты позволяют заключить, что полифония дискурсивных практик достигается тематическим разнообразием, порождающим различные типы дискурса, сочетающиеся между собой. Каждый из типов дискурса обладает специфическими способами проявления, отражающимися на уровнях языка. Используемые персонажами аксиологемы тематически соответствуют выделенным типам дискурса и реализуются на различных уровнях языковых личностей персонажей, что определяется контекстом использования данных аксиологем. В результате формируются уникальные речевые особенности персонажей, которые в изобилии реализуются в различных типах дискурса, что демонстрирует многообразие дискурсивных практик в романе Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром».

Глава 6. КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ФАКУЛЬТАТИВА ПО ДОМАШНЕМУ ЧТЕНИЮ

Комплекс упражнений по английскому языку для учащихся старшей школы.

Цель комплекса заключается в развитии языковых компетенций учащихся, а именно навыков чтения и говорения путём практической работы с упражнениями повышенной трудности. Работа с представленным комплексом упражнений формирует практические навыки различных видов речевой деятельности.

Упражнения пособия подверглись методической обработке с учётом программных требований.

Структура комплекса упражнений состоит из 3 этапов, включающих в себя 11 упражнений.

Тема данного комплекса направлена на ознакомление с лексическим материалом. Упражнения развивают навык чтения, сфокусированы на проверке понимания и осмыслении содержания темы, активизации мыслительной деятельности учащихся.

Данный комплекс упражнений направлен на развитие коммуникативных навыков, логики и творческих способностей учащихся.

I. Основные параметры художественно-поэтического, социально-исторического, религиозно-философского видов дискурса.

1. Художественно-поэтический дискурс понимается как процесс общения, участники которого делятся духовно-эстетическими взглядами на мир. Художественно-поэтический дискурс отличается преобладанием средств художественной выразительности (метафор, эпитетов, сравнений, олицетворений и т.д.). Данные средства используются по прямому назначению – выразить эстетические взгляды участников общения.

2. Религиозно-философский дискурс рассматривает мир в рамках морально-этических установок участников данного дискурса. Мир с позиций участников является системой с чёткими правилами и специфическими понятиями. Чаще всего участники представляют свои системы функционирования мира, используя утвердительные предложения.

3. Социально-исторический дискурс содержит анализ и оценку событий, имеющих место в истории человечества. В лексике участников присутствуют имена исторических лиц, указываются исторические события или даты, особенности жизни. Время повествования чаще всего прошедшее.

4. Любовный дискурс имеет чёткие тематические рамки (романтические чувства) и отличается выраженным фактом проявляемых чувств и эмоций, субъективностью оценок и демонстративностью.

Любовный дискурс условно может быть подразделён на две группы: отвлечённый любовный дискурс, когда объект чувства не участвует в общении; и конкретизированный любовный дискурс, в рамках которого как минимум один из участников общения является объектом эмоциональной привязанности другого.

Таким образом, каждый из представленных типов дискурсов понимает мир и место человека в нём различным образом:

- Художественно-поэтический дискурс сфокусирован на эстетической составляющей мира: человек рассматривается либо как творец, либо как эстетический объект.
- Религиозно-философский тип дискурса отличает наличие морально-этической составляющей при формировании картины мира и оценке человека.
- Социально-исторический дискурс рассматривает мир как череду событий и участвующих в них исторических деятелей. Человек, соответственно, в данных рамках осознаётся либо как индивидуальность – исторический персонаж, либо как некая обобщённая масса, окружающая индивидуальность.
- В рамках любовного дискурса мир рассматривается с точки зрения социальных отношений между конкретными людьми или обобщёнными образами, а человек – как составляющая данных отношений.

II. Система заданий

1. Развитие лексики.

A. Determine the profession of the person speaking. Put the quote and the profession in the correct order.

Well shot, ye firemen! Oh how sweet And round your equal fires do meet; Whose shrill report no ear can tell, But echoes to the eye and smell...		Preacher
It was admirable. Just a few spelling mistakes and slips, such as there generally are in automatic writing. But the style, the thought—all the essentials were admirable.		Poet
The Lord will come and deliver the world from its present troubles. And woe unto them who are called, not to the Supper of the Lamb, but to the Supper of the Great God.		Fortune teller
Destiny, which interests itself in small things no less than in great, has announced the fact upon your hand		Book writer

B. Determine which subtype of love discourse includes the presented passages.

Pay attention to the two subtypes of love discourse: **abstract lovediscourse** (the object of feeling does not participate in communication) and **concretized love discourse** (at least one of the

participants of communication is the object of the emotional affection of the other one).

1) “Why not?”

“It spoils our friendship, and that was so jolly.”

“Bosh!” said Denis.

2) “It’s not a matter of my taste,” Mary pronounced, “but of their merits. We must weigh them and consider them carefully and dispassionately.”

“You must do the weighing yourself,” said Anne; there was still the trace of a smile at the corners of her mouth and round the half-closed eyes. “I won’t run the risk of advising you wrongly.”

“Gombauld has more talent,” Mary began, “but he is less civilised than Denis.”

C. Study the key features of these two types of discourse.

- 1) **Religious and philosophical discourse** views the world within the framework of the moral and ethical attitudes of the participants in communication.
- 2) **Socio-historical discourse** views the world as a series of events and historical figures participating in them.

Take the presented passages to one of presented types of discourse.

Give your arguments.

- a. Ah, that’s because you don’t know what it’s like to have faith. You’ve no idea how amusing and exciting life becomes when you do believe. All that happens means something; nothing you do is ever insignificant. It makes life so jolly, you know.

- b. There was Erasmus, a man of reason if ever there was one. People listened to him at first—a new virtuoso performing on that elegant and resourceful instrument, the intellect; they even admired and venerated him.

D. Read the definition of the artistic discourse. Choose from three fragments the one belonging to the artistic discourse. Explain your position.

The artistic discourse is a process of communication, the participants of which share spiritual and aesthetic views of the world. The artistic discourse uses poetic means (metaphors, epithets, comparisons, avatars, etc) for its intended purpose- **to express the aesthetic views of the participants of communication.**

- 1) Once begun, the world war can end only with the return of Christ, and His coming will be sudden and unexpected, like that of a thief in the night.
- 2) He shouted, and men rushed to follow him. Erasmus was no longer listened to; he was reviled for his reasonableness. Luther was serious, Luther was reality—like the Great War.
- 3) Dark faces and golden crowns—they're kings of Ethiopia. And I like the way the tits cling to the flowers and pick out the seeds, while the other loutish birds, grubbing dirtily for their food, look up in envy from the ground.

2. Подстановочный этап.

A. Pick out stylistic devices in following fragments. Identify the correct type of stylistic device in each fragment.

Remember:

- **Metaphor** is a hidden comparison without 'like' or 'as' based on analogy and partial similarity.
- **Simile** is an imaginative comparison of two unlike objects.
- **Epithet** is a descriptive literary device that describes a place, a thing, or a person in such a way that it helps in making its characteristics more prominent.
- **Irony** is a figure of speech in which words are used in such a way that their intended meaning is different from the actual meaning of the words. Often needs context to be understandable.
- **Oxymoron** is a combination of two words which meanings are opposite in sense.

- 1) Crome calls me like the voice of vesperal bells, Haunts like a ghostly-peopled necropole.
- 2) For the unreligious it is a symbol of nothing, and so appears merely grotesque.
- 3) Out of the ten octaves that make up the human instrument, I can compass perhaps two.
- 4) We are tied down by the frightful limitation of our human faculties, by the notions which society imposes on us through our fatal suggestibility, by our own personalities.
- 5) "I wrote a poem about the effects of love"

“Others have done the same before you. There is no need to be ashamed”

B. Match stylistic devices 1-5 with fragments a-e to complete the correct text.

A	B	C	D	E
auricular wings	like carnival and carnation	all of a sudden	dreary tyranny	a new virtuoso

1) “It was Knockespotch,” Mr. Scogan continued, “the great Knockespotch, who delivered us from the _____ of the realistic novel. My life, Knockespotch said, is not so long that I can afford to spend precious hours writing or reading descriptions of middle-class interiors”

2) “And then there’s Denis,” he said, renewing the conversation as though it had only just been broken off. “You’re playing the same game with him. Why can’t you leave that wretched young man in peace?”

Anne flushed with a sudden and uncontrollable anger. “It’s perfectly untrue about Denis,” she said indignantly. Recovering her calm, she added in her ordinary cooing voice and with her exacerbating smile, “You’ve become very protective towards poor Denis _____”

3) There was Erasmus, a man of reason if ever there was one. People listened to him at first — _____ performing on that elegant

and resourceful instrument, the intellect; they even admired and venerated him.

4) I imagined vaguely that it had something to do with carmen-carminis, still more vaguely with caro-carnis, and its derivations, _____.

5) The magic of those immemorial kings,
Who webbed enchantment on the bowls of night.
Sleeps in the soul of all created things;
In the blue sea, th' Acroceraunian height,
In the eyed butterfly's _____
And orgied visions of the anchorite;

C. Restore the dialogue of characters.

- 1) "I was afraid of it at first. It didn't seem to me natural. I didn't feel, somehow, that it was quite right, quite fair, I might almost say, to produce a literary composition unconsciously. Besides, I was afraid I might have written nonsense."
- 2) "By cultivating your Inspiration, by getting into touch with your Subconscious. Have you ever read my little book, 'Pipe-Lines to the Infinite'?"
- 3) "What a very extraordinary thing," said Denis.
- 4) "Certainly not," Mr. Barbecue-Smith replied, with a trace of annoyance. "Certainly not. It was admirable. Just a few spelling mistakes and slips, such as there generally are in automatic writing. But the style, the thought—all the essentials were admirable. After that, Inspiration came to me regularly. I wrote the whole of 'Humble Heroisms' like that. It was a great success, and so has everything been that I have written since." He leaned

forward and jabbed at Denis with his finger. “That’s my secret,” he said, “and that’s how you could write too, if you tried—without effort, fluently, well.”

- 5) “Inspiration had come to me.”
- 6) “And had you written nonsense?” Denis asked.
- 7) “But how?” asked Denis, trying not to show how deeply he had been insulted by that final “well.”

D. Put the fragments in the correct order.

- 1) In this way four years passed happily by. At the end of that time Filomena found herself great with child. Sir Hercules was overjoyed. ‘If God is good,’ he wrote in his day-book, ‘the name of Lapith will be preserved and our rarer and more delicate race transmitted through the generations until in the fullness of time the world shall recognise the superiority of those beings whom now it uses to make mock of.’
- 2) As soon as he came into the estate, Sir Hercules set about remodelling his household. For though by no means ashamed of his deformity—indeed, if we may judge from the poem quoted above, he regarded himself as being in many ways superior to the ordinary race of man—he found the presence of full-grown men and women embarrassing.
- 3) The infant who was destined to become the fourth baronet of the name of Lapith was born in the year 1740. He was a very small baby, weighing not more than three pounds at birth, but from the first he was sturdy and healthy. In honour of his maternal grandfather, Sir Hercules Occam of Bishop’s Occam, he was christened Hercules.

- 4) Having thus settled his household entirely to his own satisfaction, it only remained for him to find some suitable companion with whom to share his paradise. Sir Hercules had a susceptible heart, and had more than once, between the ages of sixteen and twenty, felt what it was to love.
- 5) Hercules thus found himself at the age of twenty-one alone in the world, and master of a considerable fortune, including the estate and mansion of Crome. The beauty and intelligence of his childhood had survived into his manly age, and, but for his dwarfish stature, he would have taken his place among the handsomest and most accomplished young men of his time.
- 6) On his twelfth birthday Hercules was still only three feet and two inches in height. His head, which was very handsome and nobly shaped, was too big for his body, but otherwise he was exquisitely proportioned, and, for his size, of great strength and agility.
- 7) Indeed, the count was so far reduced in his circumstances that he was even then negotiating (so it was rumoured) with a travelling company of clowns and acrobats, who had had the misfortune to lose their performing dwarf, for the sale of his diminutive daughter Filomena.

3. Творческий этап.

A. Act out dialogues between:

- Two young people discussing meaning of religion.
- A teacher talks with a student about the influence of the historical past on the modern life.
- An artist tells his/hers friend about the beauty of nature.

B. Choose one between two types of tasks:

- Imagine yourself an artist. Describe your favorite time of the day (or year) at four sentences.
- Imagine yourself a poet. Write 4 lines (rhyme is not required) about your favorite dish.

C. How do you understand Denise's phrase "We are parallel lines"? Can it belong to more than one type of discourse? Explain your opinion in 5-10 sentences.

III. Критерии оценивания

1 этап. Оценка «5» ставится ученику, который понял основные факты, сумел выделить отдельную, значимую для себя информацию, догадался о значении части незнакомых слов по контексту, привёл развёрнутую аргументацию своей позиции. Оценка «4» ставится ученику, который верно выполнил 70% упражнений 1 этапа и аргументировал свою позицию в одном из двух упражнений. Оценка «3» ставится при верном выполнении 50 % заданий 1 этапа. Оценка «2» ставится, если ученик понял менее 50 % текста и не привёл аргументацию своей позиции.

2 этап. Оценка «5» ставится ученику, который верно выполнил больше 70% заданий данного этапа. Оценка «4» ставится ученику, который верно выполнил 70% упражнений. Оценка «3» ставится при верном выполнении 50 % заданий. Оценка «2» ставится, если ученик верно выполнил менее 50 % заданий.

3 этап. Оценка «5» ставится ученику, если он в целом справился с поставленными задачами данного этапа. Выстроенная речь была связной и логически последовательной. Диапазон используемых языковых средств достаточно широк. Языковые средства были верно употреблены, практически отсутствовали ошибки, нарушающие коммуникацию, или они были незначительны. Объем высказывания соответствовал указанному в задании. Наблюдалась легкость речи и достаточно правильное произношение. Оценка «4» выставляется, если учащийся выстраивает ответ связно и последовательно, однако, делая ошибки, нарушающие коммуникацию. Оценка «3» ставится ученику, если он сумел в основном решить поставленную речевую задачу, но используемый диапазон языковых средств был ограничен, объем высказывания не достигал нормы. Ученик допускал языковые ошибки. В некоторых

местах нарушалась последовательность высказывания. Оценка «2» ставится ученику, если он только частично справился с решением коммуникативной задачи. Работа не соответствовала указанным требованиям. Учащийся допускал большое количество ошибок, нарушающих общение.

5. Общая оценка «3» ставится при верном выполнении двух и более этапов на «3». Общая оценка «4» ставится при верном выполнении двух и более этапов на «4» и отсутствии оценки «2». Общая оценка «5» ставится при верном выполнении двух и более этапов на «5» и отсутствии оценок «2» или «3».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании дискурс рассматривается как последовательность речевых актов в процессе коммуникативного взаимодействия, имеющая определённую тематическую направленность. Дискурс как явление представляет собой континуум, где отдельные типы дискурса плавно перетекают один в другой в соответствии с теорией поля.

В процессе дискурса коммуниканты предстают как языковые личности — воплощения личностных особенностей в языке; категории, реализующей через внешние признаки свою внутреннюю структуру.

Роман Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром» через взаимодействие языковых личностей в процессе дискурсивных практик демонстрирует ряд ярких обобщённых образов современников писателя. Различные идеи и концепции мышления получают в романе собственную персонификацию и находятся в постоянном коммуникативном взаимодействии.

В процессе решения поставленных задач были изучены основные подходы к интерпретации понятия «дискурс» и был приведён ряд основных типологий дискурса. В процессе исследования сущности понятия «языковая личность» была установлена связь данного понятия с явлением дискурса. Определение стратегии анализа в 1 главе позволило осуществить исследование многообразия дискурсивных практик романа «Жёлтый Кром», первым этапом которого стало составление речевых портретов центральных персонажей романа. Речевой портрет концентрируется на наиболее ярких особенностях речи исследуемой языковой личности. К основным параметрам описания относятся речевые манифестации языковых характеристик, представленные на фонетическом, лексическом, грамматическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. В процессе составления речевых портретов персонажи были разделены по группам в соответствии с их полом и возрастом. Анализ речевых особенностей персонажей и особенностей выделенных групп показал наличие индивидуальных для

каждой группы черт, что выразилось в речи её представителей на всех существующих уровнях языка.

Дискурсивные практики анализировались при поддержке инструментария коммуникативно-прагматического метода. На первом этапе анализа описывалась ситуация общения, далее определялись тип и структура дискурса, после чего следовал этап выявления ролей коммуникантов в местах перехода хода (речевого тура). На следующем этапе исследовались семантико-прагматические особенности речевого поведения коммуникантов, на основе чего определялись семантико-прагматические особенности всего дискурса. Было определено, что образы продуцента и реципиента обусловлены степенью абстрагированности и уровнем персонифицированности коммуникантов. По завершении анализа семантико-прагматических особенностей дискурса исследовались лексико-грамматические аспекты дискурса, анализировалась связь сферы жизни, ситуации общения и жанровой формы дискурса.

Для анализа нами были выбраны основные виды дискурса, представленные в романе Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром»: художественно-поэтический, социально-исторический, религиозно-философский и любовный. Анализ определённых типов дискурсов осуществлялся на базе речевых портретов центральных персонажей: Генри и Присцилла Уимбуш, Энн Уимбуш, Мэри Брейсгёрдл, Гомбо, мистер Скоуган, мистер Барбекью-Смит и Айвор Ломбард, а также пастор Бодиэм.

Проанализированные дискурсивные практики обладают большим объёмом средств выражения своих отличительных черт. Так, художественный дискурс отличается обилием средств художественной выразительности, религиозно-философский дискурс содержит обилие обобщённых концептов, социально-историческому дискурсу присущ фактор аксиологизации знания, любовный дискурс экспрессивен и субъективен. Каждый из представленных типов дискурсов определяет концепты мира и человека в соответствии с уникальными чертами, присущими данному типу

дискурса. Исследование формы и стиля дискурсивных практик показало наличие определённых предпочтений у каждого из выделенных типов. Каждый из представленных типов дискурса избирает форму и стиль, соответствующие его задачам и тематической направленности.

Следовательно, через многообразие дискурсивных практик происходит исследование прослойки интеллектуалов британского общества, а также производится скрытый анализ и классификация видов дискурса. Каждый из представленных типов дискурса обладает уникальным миропониманием и формирует собственный концепт человека в рамках своей тематической направленности. Языковая личность каждого из героев является функциональной реализацией определённого типа дискурса, ярче всего проявляясь через употребление стилистических средств, выразительность речи, тематику высказываний, а также в выборе цитируемого материала.

Таким образом, в процессе исследования нами были определены способы и приёмы достижения многообразия дискурсивных практик в романе Олдоса Хаксли «Жёлтый Кром».

Перспективой исследования представляется дальнейшая разработка принципов и параметров коммуникативно-прагматического метода, совершенствование приёмов составления речевых портретов, а также практическое применение полученных знаний в процессе интерпретации иных дискурсивных практик в произведениях различных авторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dijk T.A. van. *Studies in The Pragmatics of Discourse* (Текст) // *Janua linguarum. Series Maior*; 101. — The Hague, Paris, New York : Mouton Publishers — 1981. — 331 p.
2. Habermas J. *Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns* (Текст) // Habermas J. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl., 1989. — S. 571-606.
3. Huxley A. *Crome Yellow* (Электронный ресурс) // Page By Page Books (tm), 2017-2018. URL: http://www.pagebypagebooks.com/Aldous_Huxley/Crome_Yellow/index.html— Дата обращения: 01.03.2018. — Загл. с экрана.
4. Акимова О.В. Типы профессионального дискурса (Текст) // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртене и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы в 2 т. / Казан. гос. ун-т, под общ. ред. К.Р. Галли-уллиной, Г.А. Николаева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. — С. 36-38.
5. Алефиренко Н.Ф. *Методологические проблемы современного языкознания* (Текст) // *Современные проблемы науки о языке: учебное пособие*. — М.: Флинта: Наука, 2009. — Ч. IV. — С. 314-397.
6. Аликаев, Р.С. *Язык науки в парадигме современной лингвистики* (Текст) // Р.С. Аликаев — Нальчик: Эль-Фа, 1999. — 318 с.
7. Алышева Ю.С. *Речевой портрет современного политического лидера* (Текст) // Ю. С. Алышева ; Волгоград, гос. ун-т. — Волгоград : б. и., 2012. — 21 с.
8. Анджапаридзе Г.А. *Печальный контрапункт светлого завтра...* (Текст) // Хаксли О. *Контрапункт. О дивный новый мир*.

Обезьяна и сущность. Рассказы / (пер. с англ. И. Романовича). — М. : АСТ, 2009. — С. 5–27.

9. Апенко Е. Настоящее и будущее по Олдосу Хаксли. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/apenko-nastoyaschee-i-buduschee.htm>.

10. Артюшков И. В. О диалогичности внутренней речи (Текст)// Вестник Башкирского государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. —№1. — 2000. — С. 98-102.

11. Баранов, А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики (Текст)// Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. —М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. — 94 с.

12. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности (Текст)// М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. —С.9-191.

13. Белоусов К.И. Введение в экспериментальную лингвистику : учеб. Пособие (Электронный ресурс) // К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова. – 2-е изд., сте-реотип. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 136 с. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:U1YIyJc6lvYJ:lazareva.hol.es/Belousov_K._Vvedenie_v_eksperimentalnuyu_lingvistiku.pdf+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru — Дата обращения: 11.05.2018. — Загл. с экрана.

14. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры (Текст)// Научный журнал московского гуманитарного университета: Знание, понимание, умение —2008. —№1. —с. 162-167.

15. Брага Дж. Как подготовить библейскую проповедь. (Текст) // Дж. Брага —СПб. : Библия для всех, 2000. —162 с.

16. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики: учебное пособие (Текст) // Л.М. Васильев — Уфа: Башкир. ун-т, 1997. — 182 с.
17. Велюго О.А. Любовный дискурс или дискурс любви? Комментарий к терминологическому аппарату (Текст)// Веснік БДУ. Серія 4, Філологія. Журналістыка. Педагогіка. —№ 1. — 2016. — С. 8-12.
18. Воронин А.Н. Дискурсивные способности. Теория, методы изучения, психодиагностика (Текст) // А.Н. Воронин — М., 2015. — 176 с.
19. Гаврилина А. А. Роль и место мотивационного компонента в структуре языковой личности (Текст) // А. А. Гаврилина. — Ставрополь, 2012 — 113 с.
20. Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина (Текст)// Политическая лингвистика. — 2012. Вып. № 4(42) — С. 17-22.
21. Галеева Н.Д. Параметры художественного текста и перевод: Монография (Текст) // Н.Д. Галеева —Тверь: ТвГУ, 1999. — 155 с.
22. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации (Текст) // И.Н. Горелов — М.: Наука, 1980. — 238 с.
23. Дейк Т. А. ван. К определению дискурса (Электронный ресурс) / Т. А. Ван Дейк // Ideology: A Multidisciplinary Approach. Электрон, дан. — 2011 / URL: <http://tinyurl.com/ccdv3ca> — Дата обращения: 01.03.2018. — Загл. с экрана.
24. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация (Текст) // Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. / сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. —М. : Прогресс, 1989. — 312 с.

25. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века (Текст) // Язык и наука конца XX века. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. — С. 239-320.
26. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) (Текст)// Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С.223-235.
27. Дубских А.И. Основные подходы к изучению феномена языковой личности (Текст)// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. № 5-2. — С. 20-23.
28. Загнитко А.Л. Основы дискурсологии: научно-научальне видання (Текст) // А.Л. Загнитко — Донецьк : ДонНУ, 2008. — 194 с.
29. Зайцева ИД. Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика) (Текст)// Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и ТБ. Чернышовой. — Барнаул-Кемерово : Изд-во Алтайского государственного университета, 2010. — С. 33-38.
30. История Великобритании под ред. Кеннета О. Моргана.(Текст)// Пер. с англ. TheOxfordHistoryofBritain. — М.: Издательство «Весь Мир», 2007 — 680 с.
31. Казыдуб, Н.Н. Аксиологические системы в инновационном пространстве лингвистического образования/Н.Н.Казыдуб//Система обеспечения качества лингвистического образования: инновационные подходы: тезисы науч. - практич. Конф. В рамках Инновационной образовательной программы МГЛУ «Система формирования языковой компетентности - важный фактор инновационного развития России (Лингвапарк)» (Текст) (Иркутск, 2008) - Иркутск, 2008.

32. Карасик, В. И. О типах дискурса (Текст)// Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С.5-20.
33. Карасик, В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность (Текст) // В.И. Карасик II Филология. — Краснодар, 1994. — С. 2-7.
34. Карасик В.И. Религиозный дискурс (Текст) // Языковая личность: проблемы лингвокуль-турологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 1999. — С. 5-19
35. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс (Текст) // В.И. Карасик— Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
36. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения (Текст) // Ю.Н. Караулов II Язык и личность. —М. : Наука, 1989. — С. 3-8.
37. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность (Текст)// Ю. Н. Караулов. — М., 2002.
38. Кашкин В. Б. Дискурс: учеб. пособие по специальности 031301 (021800) Теоретическая и прикладная лингвистика. ОПД.Ф.06 (Текст) // В. Б. Кашкин. — Воронеж : ВГУ, 2004. — 76 с.
39. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике (Текст)// Уч. Пособие. — М.: Флинта, Наука, 2013. — 820 с.
40. Корчинский, А.В. Форманты мысли: литература и философский дискурс (Текст) // А.В. Корчинский; Российский гос. гуманитарный ун-т. — Москва : Языки славянской культуры (ЯСК), 2015. — 287 с.

41. Косивцова А.В. Речевой портрет адресанта : на материале частно-деловых писем Н.А. Демидова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 (Текст)// А.В. Косивцова — Тюмень, 2011. — 308 с.
42. Кротков Е.А. Специфика социально-исторического дискурса (Текст) // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. — М.: ИВИ РАН, 2008. — С. 34-36.
43. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка (Текст)// Л. П. Крысин; Отв. ред. Ю. Д. Дешериев; АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1989. — 186 с.
44. Крысин Л.П. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. (Текст) // Л.П. Крысин — М.: Академия, 2007. — 239 с.
45. Крючкова Н.Д. Изменение состава социальной элиты Великобритании в третьей четверти XIX в. (Текст) // Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 3. Исследования по истории Англии (XI-XX вв.). — Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. — С. 271 - 290.
46. Куриленко В.Б., Макарова М.А., Логинова Л.Д. Лингвотерапевтическая направленность как базовая категория медицинского дискурса (Электронный ресурс) // Современные научные исследования и инновации. — Январь 2012. — Вып.1. / URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/01/6431>— Дата обращения: 18.09.2018. — Загл. с экрана.
47. Лейко И.М., Маслова В.А. Параметры описания речевого портрета языковой личности (Текст)// Язык и социальная динамика. — 2012.№ 12-1. — С. 414-420.

48. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики (Текст) // А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1999. — 287 с.
49. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: дис. ... канд. филол. наук.(Текст) // Леорда С.В. — Саратов, 2006. — 161 с.
50. Липский Б.И. Философия : учебник для бакалавров (Текст)// Б .И. Липский, Б.В. Марков. — М. : Издательство Юрайт, 2012. — 495 с.
51. Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7 классов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 (Текст)// С.В. Мамаева — Лесосибирск, 2007. — 202 с.
52. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку (Текст) // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. сб. науч. ст. —Ставрополь: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003. — С. 26-40.
53. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учебное пособие. (Текст)// В.А. Маслова — М.: Академия, 2008. — 272 с.
54. Мухортов Д. С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) (Текст)// Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26 – 28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов. — Екатеринбург, 2014. — С. 167 – 172.
55. Оглезнева Е. А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь (Текст)// Изв. АН. (Серия: Литература и языки). — Томск: 2004. Т. 63. № 2. — С. 42 – 52.

56. Оленёв, О.С. Динамическое моделирование русской языковой личности: автореф. дис. ... канд. фил. наук (Текст) // О.С. Оленёв. — Кемерово, 2006. — 23 с.
57. Потебня А. Мысль и язык (Текст)// Потебня А. А. Слово и миф. — М.: Правда, 1989. — С. 17-200.
58. Прохоров, Е.Ю. Действительность. Текст. Дискурс (Текст) // Е.Ю. Прохоров. — М.: Флинта; Наука, 2006. — 224 с.
59. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций (Текст)// Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ (серия «Дискурсология»). — Екатеринбург : Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. — С. 11-30.
60. Сергеева Ю.М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы) (Текст) // Ю.М. Сергеева — Москва, 2009. — 565 с.
61. Свистельникова С.А. Речевой портрет оппозиционной газеты: концептосфера, жанры, образные средства : на материале газеты "Слово коммуниста" (Текст)// С.А. Свистельникова — Белгород, 2010. — 224 с.
62. Смирнов И.П. Текстомания. Как литература отзывается на философию (Текст)// И. П. Смирнов. — СПб : Издательский дом «Петрополис», 2010. — 208 с.
63. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности (Текст) // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Степанова. — М.: РГГУ, 1995. — С. 35-73.
64. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. (Текст) // И.П. Сусов — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 379 с.
65. Сусов И.П. История языкознания. (Текст) // И.П. Сусов— М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. — 295 с.
66. Фахрутдинова Д.Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса (Текст)//

Ученые записки Казанского государственного университета.
Гуманитарные науки. — Казань, 2008. Т. 150. Кн. 2. — С. 259-266.

67. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы речевых жанров (Текст)// Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 98-114.

68. Цейтлин С.Н., Погосян В.А., Еливанова М.А., Шапиро Е.И. Язык. Речь. Коммуникация (Текст)// Междисциплинарный словарь. — СПб.: КАРО, 2006. — 128 с.

69. Шапинская Е.Н. Любовь как властное отношение: репрезентация в культурных контекстах и социальных дискурсах (Текст)// Семиозис и культура. Интеллектуальные практики. Монография. — Сыктывкар, 2013. — С. 142-161.

70. Юсупова Т.С. Функционально-стилистические и прагматические характеристики англоязычного военного дискурса (Текст) // Т.С. Юсупова Татьяна Сергеевна — Самара, 2010. — 190 с.